

Литературный факт.
2022. № 1 (23)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (23), 2022

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-8-54>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Неизвестная книга Н.В. Гоголя 1834 г.: замысел, контекст, реминисценции

© 2022, И.А. Виноградов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена изучению одного из многочисленных творческих замыслов Гоголя 1834 г. В результате текстологического анализа устанавливается единство двух исторических сочинений писателя, публиковавшихся ранее как отдельные произведения. Данные рукописей свидетельствуют, что составленная Гоголем «Библиография Средних веков» и написанный тогда же курс средневековой истории (из десяти лекций) представляют собой особое готовившееся к печати издание (оставшееся по неизвестным причинам непопубличованным). Тем самым к нескольким известным книжным изданиям Гоголя добавляется еще одна неизвестная книга. Впервые с «Библиографией Средних веков» и десятью университетскими лекциями Гоголя читатель познакомился в 1896 г., однако до сих пор эти материалы, печатавшиеся раздельно, осмыслены как подготовленное к печати единое целое не были. Устанавливается связь не состоявшегося в 1834 г. издания с тогдашним сотрудничеством Гоголя с министром народного просвещения С.С. Уваровым. В этот период писатель поступил, благодаря министру, на кафедру всеобщей истории Петербургского университета и напечатал в министерском журнале четыре статьи. Анализируется содержание гоголевского лекционного курса и его отношение к другим работам художника. На основании сохранившейся гоголевской программы лекций предлагается возможное название неозаглавленной книги.

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, интерпретации, эволюция замысла, лекции, история Средних веков, русская история, монархизм.

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>
E-mail: info@imli.ru

Для цитирования: Виноградов И.А. Неизвестная книга Н.В. Гоголя 1834 г.: замысел, контекст, реминисценции // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 8–54. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-8-54>

I

За свою жизнь Гоголь выпустил более десяти книг и сборников: в 1829 г. вышло отдельное издание его идилии «Ганц Кюхельгартен», затем появились циклы «Вечера на хуторе близ Диканьки» (два издания, 1831–1832, 1836), «Миргород» (1835), «Арабески» (1835), комедия «Ревизор» (два издания, 1836, 1841), поэма «Мертвые души» (1842), четыре тома собрания сочинений (1843), «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Кроме этих книг в бумагах писателя находится еще одно произведение, которое тоже задумывалось как отдельное книжное издание. Подобно незавершенной книге о Литургии, при жизни Гоголя оно осталось неопубликованным. Эта книга представляет собой труд немаловажного содержания и достаточного объема: она состоит из одиннадцати глав. Прошло более сорока лет после смерти писателя, прежде чем издатели гоголевских сочинений напечатали по рукописям сохранившиеся материалы этой книги.

К сожалению, обнаруженные исследователями рукописи как особое, подготовленное к печати издание осмыслены не были. Части книги были обнаружены в 1896 г. хотя и одна за другой в одном томе собрания гоголевских сочинений (10-е изд., 1889–1896 гг.), однако были представлены в виде двух отдельных фрагментов [21, т. 6]. Те значимые данные рукописи, которые указывали на связь фрагментов между собою, были издателями при публикации опущены. Рядовому читателю из-за отсутствия адекватной информации разобраться в характере гоголевского сочинения было затруднительно. Не исправлена была издательская ошибка и при последующей переподготовке рукописи к новому изданию в 1952 г. [22, т. 9]. До сих пор книга Гоголя по этой причине как цельное произведение остается не известной.

Речь идет о курсе университетских лекций Гоголя 1834 г. по истории европейского средневековья. Начальный раздел книги составляет глава «Библиография Средних веков»; основой корпус — десять законченных лекций, которыми в первой половине сентября 1834 г. Гоголь открыл свой курс средневековой истории в Петербургском университете.

Книга Гоголя сохранилось в трех авторизованных писарских копиях. Первый источник, хранящийся в гоголевском фонде Российской государственной библиотеки в Москве (далее — РГБ), содержит отдельный текст «Библиографии Средних веков»¹. Второй источник,

¹ РГБ. Ф. 74. К. 3. Ед. хр. 12. 5 л.

находящийся в том же архиве, представляет текст десяти лекций². Третий, из фонда Гоголя Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (далее — РНБ), включает в себя последовательно расположенные «Библиографию Средних веков» и те же десять лекций³ (в этом списке они представлены с незначительными различиями по сравнению со вторым источником).

В источниках анализируемых десяти лекций — и в той рукописи, в которой нет статьи «Библиография Средних веков» (РГБ), и в той, где эта статья представлена как вступительная глава (РНБ), — тексту первой лекции одинаково предшествует римская цифра «II»: «II. Взгляд на состояние Западной Римской империи в последнее время ее существования и на причины, произведшие разрушение ее»⁴; «II. Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования и на причины, произведшие разрушение ее»⁵.

Эти данные рукописей точно и наглядно воспроизведены в соответствующих библиографических описаниях, изданных в прошлом веке. В 1940 г. сотрудники РГБ Г.П. Георгиевский и А.А. Ромодановская обозначили римскую цифру «II» в источнике, хранящемся в московском архиве:

«[Выдержки⁶ из лекций по истории средних веков.]

“II. Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования...” // (Абу-Джафар) . . . влиянием своим сильно двинул гражданское развитие арабов”» [20, с. 31].

В 1952 г. сотрудник РНБ Р.Б. Заборова, в свою очередь, отметила римское «II» в начале списка лекций, хранящегося в Петербурге (при этом логично и мотивированно перед главой «Библиография средних веков», открывающей гоголевские лекции, исследовательница поставила конъектуру «[I]»):

² РГБ. Ф. 74. К. 3. Ед. хр. 14. 20 л.

³ РНБ. Ф. 199. Ед. хр. 3. 20 л.

⁴ РГБ. Ф. 74. К. 3. Ед. хр. 14. Л. 1.

⁵ РНБ. Ф. 199. Ед. хр. 3. Л. 3.

⁶ Называя материалы рукописи «выдержками», архивисты следовали неточному именованию ее содержания, предложенному ранее Н.С. Тихонравовым и В.И. Шенроком (см. ниже): «Выдержки из лекций по истории средних веков» [21, т. VI, с. 277] (в гоголевской рукописи это название отсутствует). Вопреки такому определению, книга заключает в себе не «выдержки» из лекционного материала, а десять последовательных, полноценных и законченных лекций. При републикации рукописи в 1952 г. ее содержание было обозначено Г.М. Фридлендером более адекватно, хотя тоже не вполне точно: «Из университетских лекций по истории средних веков» [22, т. IX, с. 106] (см. ниже раздел II наст. статьи).

«II. Библиография средних веков. II. [Выдержки⁷ из лекций по истории средних веков].

I. “Источники для истории средних веков трех родов”... // “...долго боролись с неукротимым невежеством”, на лл. 1–2.

II. “Взгляд на состояние Римской истории <империи>”... // “...двинул гражданское развитие арабов”, на лл. 3–20» [24, с. 9].

Очевидно, что цифра «II» не является порядковым номером лекции. Последующие лекции никаких цифровых обозначений не имеют. По своему содержанию лекция «Взгляд на состояние Римской империи...» является, несомненно, заглавной, т.е. первой. Наличие в обеих рукописях перед первой лекцией цифры «II» однозначно указывает на местоположение всего корпуса лекций за текстом, занимающим первую позицию, и действительное расположение этих лекций во втором источнике после главы «Библиография средних веков» дает окончательное основание утверждать, что библиография и лекции представляют собой единое целое, т.е. являются последовательными частями одного произведения.

Несмотря на эти очевидные данные рукописей, в 1896 и 1952 гг. они были дважды напечатаны исследователями как два отдельных произведения. Ошибка, допущенная издателями, не была случайной. Оба раза, и в 1896 г., и в 1952 г., при подготовке к печати фрагментов рукописи римская цифра «II» перед лекциями исследователями была намеренно опущена. Это и привело к произвольной публикации текстов.

Впервые ошибочная публикация рукописей «Библиографии Средних веков» и цикла из десяти лекций как двух самостоятельных сочинений была допущена Н.С. Тихонравовым и В.И. Шенроком [21, т. VI, с. 273–315, 684–686, 690–694]. Затем ошибка была повторена Г.М. Фридлиндером [22, т. IX, с. 101–144, 598–605]. Возможность исправить неточность — и тем самым ввести в научный и читательский оборот неизвестную книгу Гоголя — у последнего исследователя была. Достаточно было обратить внимание на описание рукописи Г.П. Георгиевского и А.А. Ромодановской 1940 г. К правильному решению проблемы исследователя должна была подвести и работа над самой рукописью. По-видимому, и то и другое сыграло определенную роль. Сам Г.М. Фридлиндер в комментариях

⁷ Архивное описание сделано с учетом публикации Н.С. Тихонравова и В.И. Шенрока [21] и, вероятно, Г.П. Георгиевского и А.А. Ромодановской [20], в результате чего заглавие, данное рукописи Р.Б. Заборовой, повторяет неточность, допущенную в предшествующих изданиях.

отмечал — и даже дважды — несомненное единство разрозненных в 1896 г. фрагментов сочинения. При этом исследователь подчеркивал — и тоже дважды — готовность рукописи (хотя незаглавленной) к печати. Комментируя «Библиографию Средних веков», Г.М. Фридлиндер указывал: «По-видимому, она была задумана как составная часть курса Гоголя, так как в рукописи (из фондов РНБ. — *И.В.*) <...> “Библиография средних веков” непосредственно предшествует тексту 10 дошедших до нас университетских лекций Гоголя, переписанных набело и, возможно, предназначавшихся для печати» [42, с. 630]. Непосредственно описывая источник, хранящийся в РНБ, исследователь еще раз сообщал: «Писарская копия с поправками и маргиналиями Гоголя... <...> Текст <...> десяти лекций, переписанный набело и подготовленный для печати. <...> Рукопись <...> открывается <...> “Библиографией средних веков”, за которой непосредственно следует текст лекций» [43, с. 634].

Тем не менее открытия не произошло. Даже собственное двукратное указание на то, что библиография и лекции представляют собой единый текст, никак не повлияло на характер публикации Г.М. Фридлиндером материалов книги: как в 1896 г., так и в 1952 г. произведение по-прежнему было напечатано как два отдельных текста. Таким образом, неточность публикаторов привела к тому, что вне поля зрения читателей до настоящего времени остается целая книга Гоголя. Из читательского восприятия изымался чрезвычайно значимый сам по себе факт — важный для изучения биографии и творчества Гоголя в целом, — а именно то, что десять лекций писателя по Средней истории, со вступительной статьей «Библиография Средних веков», представляют собой еще одно намеченное автором книжное издание.

II

Естественно, что сочинение, готовившееся к печати как книга, предполагало титульный лист. Поскольку издание обещало быть многотомным, то, кроме названия, здесь должны были быть представлены и некоторые сведения о структуре книги. Учитывая замысел писателя и сохранившиеся на этот счет фактические данные, при новой текстологической подготовке рукописей к изданию сочинение логично было бы назвать следующим образом:

<История Средних веков. Курс лекций.

I. Библиография Средних веков.

II. Лекции.

Часть первая. До Крестовых походов.
Отделение I. От разрушения Западной империи до Карла
и Гарун аль Рашида>.

Два приведенных подзаголовка этого «титульного листа» — «Часть первая. До Крестовых походов»; «Отделение I. От разрушения Западной империи до Карла и Гарун <аль> Рашида» — взяты непосредственно из гоголевской <Программы университетских лекций по истории Средних веков> [23, т. VIII, с. 132]. Последний из них — «Отделение I...» — точно соответствует содержанию десяти сохранившихся лекций Гоголя: они написаны прямо по указанной программе и последовательно исчерпывают весь ее первый раздел. Такое — собственно гоголевское — название позволяет адекватнее отразить содержание сочинения, сравнительно с теми заглавиями, которые были предложены в 1896 г. Н.С. Тихонравовым и В.И. Шенроком — «Выдержки из лекций по истории средних веков» [21, т. VI, с. 277] — и в 1952 г. Г.М. Фридлендером — «Из университетских лекций по истории средних веков» [22, т. IX, с. 106]. В более адекватном последнем названии, 1952 г., на первое место выдвигается, однако, практическое назначение гоголевского сочинения, тогда как его содержание определяется (как и в заглавии 1896 г.) лишь в самых общих чертах (история Средних веков); при этом очевидная связь сохранившихся лекций с общим замыслом и их конкретная тема в названии не отражены.

Планы писателя в тот период были действительно чрезвычайно широки. До того времени, когда Гоголь отказался от мысли издать свой курс (это произошло по не известным для нас причинам), он, по-видимому, намеревался продолжить первую книгу новыми отдельными выпусками или томами. На это прямо указывает тот подробный план, который он написал незадолго до работы над лекциями (тоже оставшийся незаглавленным), — упомянутую <Программу университетских лекций по истории Средних веков>. Важно не только то, что, как уже указывалось, все десять написанных вскоре лекций точно соответствуют первому разделу этой программы. По своему хронологическому охвату <Программа университетских лекций...> более масштабна: кроме первого «Отделения...», в ней имеются еще три соответствующих раздела средневековой истории. Судя по этому объему, начатый Гоголем труд должен был составить, по его завершении, по крайней мере четыре тома.

В начале программы Гоголь отмечал: «...Учебный год состоит из двух полугодичных курсов» [23, т. VIII, с. 131]. Согласно этому деле-

нию курса на две части, новые тома должны были содержать описание следующих исторических периодов: «Часть первая» — представляющая первую «полугодичную» часть курса — должна была завершаться «Отделением II» — «Веком аравийского просвещения от Карла и Гарун аль Рашида до Крестовых <походов>»; «Часть вторая» — вторая полугодичная часть курса, с заглавием «От Крестовых походов до открытия Америки и сокрушения папской власти», — тоже предполагала два полноценных тома: «Отделение I. До окончания Крестовых походов и появления монголов»; «Отделение II. До сокрушения папской власти» [23, т. VIII, с. 131–136]. Поскольку Гоголь читал университетские лекции на протяжении полного учебного 1834/35 года (а затем во все первое полугодие 1835/36 года), то, кроме десяти начальных лекций, у него, несомненно, должны были быть и записи оставшейся, еще большей части лекционного курса (последние, к сожалению, утрачены; лишь частично сохранились, вместе с подготовительными материалами, столь же многолетние лекции Гоголя, которые он читал в Патриотическом институте четыре с половиной учебных года, с 1831 по 1835 г. [23, т. VIII, с. 11–130, 314–322]).

Известно, что в тот период Гоголь, помимо художественных произведений, действительно задумывал целую серию многотомных исторических изданий: «Историю Малороссии» (в четырех-шести томах); «Всеобщую историю» (в двух-трех томах); «Историю Средних веков» (в восьми-девяти томах). Так, 28 сентября 1833 г., в период творческого кризиса (еще до поступления в университет), он писал М.П. Погодину: «...У меня ничего нет, <...> исключая разве двух начал двух огромных творений, на которых лежит печать отвержения и которых я не смею развернуть» [23, т. X, с. 223]. Под «двумя началами двух огромных творений» Гоголь подразумевал «Историю Малороссии» и «Всеобщую историю». Ранее, 1 февраля 1833 г., он обещал прислать Погодину подготовленную на материале своих лекций 1831–1832 гг. в Патриотическом институте благородных девиц «всеобщую историю и всеобщую географию в трех, если не в двух томах» [23, т. X, с. 205]. 12 февраля 1834 г. он извещал М.А. Максимовича: «Историю Малороссии я пишу всю от начала до конца. Она будет или в шести малых, или в четырех больших томах...» [23, т. X, с. 240]. 23 декабря 1833 г. Гоголь, сообщая А.С. Пушкину о завершении статьи о всеобщей истории, говорил о своих планах, которые намеревался осуществить в Киеве: «Там кончу я историю Украины и юга России и напишу Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор, к сожалению, не только на Руси, но даже и в Европе нет» [23, т. X, с. 234].

22 января 1835 г., с началом второго полугодия 1834/35 учебного года, Гоголь вновь писал Погодину: «Я <...> думаю хватить среднюю историю томиков в 8 или 9, если Бог поможет» [23, т. XI, с. 8]. В тот же день Максимовичу: «Я пишу историю средних веков, которая, думаю, будет состоять томов из 8, если не из 9» [23, т. XI, с. 9]. Около того же времени он говорил А.В. Никитенко, что у него есть «шесть фолиантов для университетских лекций» [10, т. 2, с. 330].

Лекции по истории Средних веков (и — дополнительно, с конца 1834 г. — лекции по Древней истории) Гоголь читал в Петербургском университете по декабрь 1835 г. О его параллельной работе над многотомными средневековой и украинской историями свидетельствует также «Отчет по Санктпетербургскому учебному округу за 1835 год» о состоянии научной деятельности в университете: «Адъюнкт по кафедре истории Гоголь-Яновский сверх должности своей по университету принял на себя труд написать Историю средних веков, которая будет состоять из 8 или 9 томов. Также намерен он издать особенное извлечение из оной истории в одном томе. <...> Также занимается он разысканием и разбором для Истории малороссиян, которой два тома уже готовы...» [5, т. 1, с. 798].

III

Хотя Гоголь отказался от напечатания курса, однако тот период средневековой истории, который был описан им в десяти сохранившихся лекциях, все-таки нашел тогда отражение в печати. Материал лекций получил воплощение в новом гоголевском произведении — статье «О движении народов в конце V века» (статья была напечатана в 1835 г. в «Арабесках»). Сравнение с содержанием курса показывает, что со статьей «О движении народов...» перекликается, во-первых, начальная лекция — «Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования...». Близка к статье и вторая лекция — «О движениях народов германских, причинивших разрушение Западной Римской империи»; и начало третьей — «Взгляд на земли Западной империи по занятии их народами германскими...»; частично девятая — «Состояние Восточной Римской империи во время религиозных споров...». Имеются также переклички с шестой и восьмой лекциями — «Состояние франков под начальством королей-предводителей...» и «Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи». Таким образом, начало лекционного курса стало в том же 1834 г. основой для одной обширной статьи в «Арабесках».

Еще одно литературно-художественное воплощение исторической темы, которая была обозначена в <Программе университетских лекций...> (послужившей перспективным планом для лекций), представляет собой статья Гоголя «Ал-Мамун», тоже напечатанная в «Арабесках». Она соответствует разделу программы «Упадок государства Гарунова» в «Отделении II» программы [23, т. VIII, с. 132] («Отделение II» прямо следует в программе за «Отделением I», по «пунктам» которого были написаны до этого десять лекций). Т. е. Гоголь даже тогда, когда уже оставил мысль напечатать отдельным изданием свои лекции, продолжал придерживаться принятого ранее плана. Вероятно, это отчасти обуславливалось продолжавшимся чтением Гоголем лекций в университете — к которым он должен был каждый раз готовиться.

Попыткой дальнейшей литературной обработки исторических реалий, упоминаемых в <Программе университетских лекций...>, является гоголевская драма из английской истории «Альфред» 1835 г. (это произведение тоже осталось незавершенным). Драма соответствует, опять-таки, «Отделению II» гоголевской <Программы...>, а именно, разделу «Время норманских наездов»: «Эпоха появления норманов. <...> Страх в Европе, производимый их нападениями <ми>, вторжения их во Францию, в Англию. Встреча с Альфредом. Мудрые распоряжения этого государя к отражению и польза, принесенная государству» [23, т. VIII, с. 133].

Точные соответствия между <Программой...> и последующими произведениями Гоголя с очевидностью свидетельствуют, что исторические материалы, наряду с другими источниками, писатель тоже широко использовал для художественного и литературно-публицистического воплощения. Это касается не только арабской и норманнской эпох; работа относится и к отечественному прошлому и настоящему.

IV

Последовательный анализ «Библиографии Средних веков» и десяти лекций по истории в свою очередь обнаруживает единство гоголевской книги. Согласно строкам письма Гоголя к М.А. Максимовичу от 23 августа 1834 г., работу над университетскими лекциями Гоголь считал «казенной» [23, т. X, с. 276]. Несмотря на это, писатель относился к этой работе не менее добросовестно и на преподавательском поприще трудился с не меньшими самоотдачей и увлечением. Историческую библиографию, с которой он начал курс своих лекций,

он называл «историей истории, обозревающей литературу истории» (лекция «Древняя всеобщая история»; [23, т. VIII, с. 78]).

Содержание вступительной главы неопубликованной книги — «Библиографии Средних веков» — также нашло в 1834 г. воплощение в печати. В «Библиографии...» в числе других упоминаются, в частности, историки И. фон Миллер (Мюллер) и А.Л. Шлецер [22, т. IX, с. 102, 104]. Первоначально «Библиография...» даже начиналась с имени Миллера: «Прежде всего должно упомянуть о Всеобщей истории Иоганнеса Миллера, сочинении, исполненном наблюдательности, ума, верного взгляда и высокой простоты изложения» [22, т. IX, с. 101, 596]. В окончательной редакции, в соответствии с общим направлением курса — изучением проблем падения Римской империи, — швейцарец Миллер был заменен на англичанина Э. Гиббона: «Прежде всего должно упомянуть о Гиббоне, которого История упадка Римской империи, сочинение, означенное глубокою ученостью, <...> первая проложила путь для создания истории средних веков, объяснила и открыла начала ее еще в недрах древнего мира» [22, т. IX, с. 101]. Однако замена Миллера на Гиббона не повлияла на высокую оценку Гоголем швейцарского историка. Эта оценка лишь была перенесена из одного раздела в другой — из «Источников 1-го рода» («Всеобщие истории сред<них> веков») в «Источники 2<-го> рода» («Истории отдель<ных> государств»): «Швейцария имеет полную историю свою в сочинении Иоганнеса Мюллера, сочинении, исполненном великого достоинства» [22, т. IX, с. 103]. В том же году подробную характеристику историков Миллера и Шлецера, добавив к ним И.Г. Гердера, Гоголь дал в статье «Шлецер, Миллер и Гердер». Статья первоначально называлась «Миллер, Шлецер и Гердер» [22, т. VIII, с. 747] (с именем Миллера в начале). Вместе со статьей «О движении народов в конце V века» (написанной, как указывалось, на основе десяти лекций) эта статья и была тоже вскоре напечатана в «Арабесках».

Обе статьи, основанные на материалах курса лекций, были помещены во вторую часть сборника: на втором месте здесь находится «Шлецер, Миллер и Гердер»; ближе к концу, на предпоследней позиции, — «О движении народов...». Таким образом оказывалось, что самое существенное в содержании задуманной Гоголем в 1834 г. книги (обеих частей — и нескольких лекций, и вступительной «Библиографии...») оказалось напечатанным в одном и том же сборнике — в «Арабесках». По-видимому, работа над университетским курсом оказывала самое непосредственное влияние на вызревание замысла сборника.

При создании в сентябре-октябре 1834 г. статьи «Шлецер, Миллер и Гердер» Гоголь прямо повторил те положения о способах адекватного постижения и изображения истории, какие были изложены им ранее в «Библиографии Средних веков». Открывая курс, Гоголь отмечал: «Почти нет такого сочинения, которое бы представило полную историю средних веков в строгом порядке и плане, с высокою художественною отделкою и вообще с достоинствами совершенно классического создания. Причиною этому необыкновенное обилие и разнообразие предметов, из которых сложена средняя история, объять которых вполне почти невозможно или требует глубокого многостороннего гения. Однако же многими, исполненными таланта и больших сведений, были сделаны попытки, замечательные и важные во многих отношениях...» [23, т. VIII, с. 137].

Строки «Библиографии...» о том, что по истории Средних веков «почти нет» труда, который представил бы ее «в строгом порядке и плане, с высокою художественною отделкою», повторяют суждение, высказанное Гоголем в цитированном выше письме к Пушкину 1833 г. (о том, что «Всеобщей истории» «в настоящем виде ее, до сих пор, к сожалению, не только на Руси, но даже и в Европе нет» [23, т. X, с. 234]).

В статье «Шлецер, Миллер и Гердер», носящей ярко выраженный библиографический характер (на это до настоящего времени не обращалось внимания) Гоголь тоже подчеркивал, что написание всеобщей истории до сих пор ограничивалось только «попытками». Наряду с высокими оценками европейских историков в статье содержится нелюбимая критика современной историографии: «Шлецер, Миллер и Гердер были великие зодчие всеобщей истории. <...> Шлецер <...> был <...> одним из первых, тревожимых мыслью о величии <...> истории... <...> ...Его мысли и труды <...> улеглись в небольшой книжке, изданной им для студентов... <...> Миллер представляет собою историка совершенно в другом роде. <...> История его не состоит из непрерывной движущейся цепи происшествий... <...> Одни сильно проникнутые мыслью о истории <...> могут <...> понимать его, другим же он кажется легким и не глубокомысленным. <...> Гердер <...> выпытывает глубоко, вдохновенно, <...> но младенец в познании человека... <...> ...Если бы глубокость результатов Гердера, <...> соединить с быстрым, огненным взглядом Шлецера и изыскательною, расторопною мудростью Миллера, тогда бы вышел такой историк, который бы мог написать всеобщую историю. Но при всем том ему бы еще многого <...> недоставало: ему бы недоставало драматического искусства... <...>

Я бы <...> присоединил еще <...> занимательность рассказа Вальтера Скотта <...>, шекспировское искусство развивать крупные черты характеров <...>, и тогда бы, мне кажется, составилась такой историк, какого требует всеобщая история. Но до того времени Миллер, Шлецер и Гердер долго останутся великими путеводителями» [23, т. VII, с. 319–323]. (Характерно, что Миллер здесь опять возвращается на первое место, которое он занимал в «Библиографии...».)

Сравнительные характеристики отдельных историков, упоминаемых в «Библиографии Средних веков», Гоголь давал позднее и в частных беседах и письмах к друзьям. Само по себе это свидетельствует о его глубокой заинтересованности в вопросах, которые он поднимал, работая над «казенными» (будто бы) лекциями. Такие историко-библиографические характеристики Гоголь излагал в духе статьи «Шлецер, Миллер и Гердер». Так, в начале 1843 г. он говорил А.О. Смирновой: «...Вы воображаете, что я хорошо знаю историю. Совсем нет. Историю никто еще так не писал, чтобы живо можно было видеть или народ, или какую-нибудь личность. Вот один Муратори понял, как описывать народ; у него одного чувствуется все развитие, весь быт, кажется, Генуи; а прочие все сочиняли или только сцепляли происшествия; у них не слышится никакой связи человека с той землей, на которой он поставлен» [5, т. 2, с. 230–231]. Как вспоминала Смирнова, Гоголь, продолжая разговор, советовал ей прочесть сочинение итальянского историка Ч. Канту «История республики» и добавлял: «“Histoire universelle” <Всеобщая история (фр.)> Боссюэта <превосходна, но> написана с одной духовной точки, в ней не видна свобода человека, которому Бог предоставил действовать или хорошо, или дурно; он был католик. Guizot написал хорошо также “Histoire des Revolutions”, но слишком с феодальной точки. Надобно бы найти середину и написать ярче, придать более выпуклости. Я всегда думал написать географию; в этой географии можно бы было увидеть, как писать историю» [5, т. 2, с. 231].

19 ноября (н. ст.) 1838 г. Гоголь писал М.П. Балабиной: «Вы читаете теперь историю Мишле. Это страшный вздор; это совершенно русский Полевой (Гоголь сравнивал “Историю Франции” Ж. Мишле с “Историей русского народа” Н.А. Полевого. — *И.В.*). Но, к счастью, вы не читали Полевого. Мишле, как попугай, повторяет Нибура; обокрал оттуда и оттуда, у того и у другого, умничает не кстати, рассуждает Бог знает как и модный педант, как все французы» [23, т. XI, с. 188–189].

Историк-медиевист В.Ф. Семенов (1896–1973), характеризуя в 1972 г. гоголевскую «Библиографию...», указывал: «Среди мате-

риалов, относящихся к средним векам, большое значение имеет “Библиография средних веков”, составленная Гоголем. Это краткий историографический очерк, дающий перечень источников и литературы по истории средних веков с их краткой характеристикой. Очерк <...> показывает наглядно степень начитанности Гоголя в современной ему медиевистике и ориентировку в самих источниках. <...> ...Гоголь был знаком с главнейшими опубликованными работами европейских ученых. В частности он знал обширные публикации по истории Франции, сделанные Гизо и Тьерри, итальянские публикации Муратори, византийские летописи (во французских переводах) и некоторые другие. Цезарь, Тацит и другие римские историки, свидетельства которых важны для историков древних германцев и крушения Римской империи, были также известны Гоголю. Но особый интерес представляют общие специальные работы по средним векам, которые изучал Гоголь. В общем в перечень литературы входят все наиболее крупные труды по медиевистике на английском, французском и немецком языках, выходившие на Западе в конце XVIII и первой трети XIX веков. Среди них фигурируют такие, считавшиеся долго “классическими” работами, труды, как сочинения английских историков-просветителей Гиббона, Юма, Робертсона, Галлама и др.; представителей французской либеральной-исторической школы первой половины XIX в. Гизо, Тьерри, а также Мишле и Мишо; из немецких ученых названы Раумер, Шлецер, Гердер и другие» [35, с. 19].

Положение «Библиографии Средних веков» в составе курса лекций (а не восприятие ее в качестве отдельной статьи) многое проясняет в характере задуманного в 1834 г. Гоголем издания. Можно предположить, что открывающая курс «Библиография...», помимо своего прямого практического назначения, попутно должна была продемонстрировать перед читательской аудиторией широкую историческую эрудицию преподавателя, только вступающего — по протекции министра народного просвещения С.С. Уварова — на университетскую кафедру. Содержание главы может служить весомым опровержением распространенного ошибочного мнения о том, будто Гоголь почти не готовился к университетским лекциям и читал их чуть ли не экспромтом (свод суждений на этот счет см.: [10, т. 2, с. 329–330, 348–353]). Обстоятельная историческая библиография была одним из дополнительных аргументов в тогдашней идеологической борьбе в пользу основательного познания истории Гоголем. Это было связано с тем, что либеральная ангажированная журналистика, безоговорочно признавая неоспоримый художнический талант Го-

голя, намеренно, однако, принижала, вслед за В.Г. Белинским, его талант как ученого и авторитет как мыслителя.

Ко времени составления обобщающей «Библиографии Средних веков» Гоголь был историком уже «со стажем». Содержание «Библиографии...» обнаруживает в нем не новичка и в изучении, и в преподавании истории. Глубоким интересом к прошлому Гоголь был обязан основательной постановке дела преподавания истории, мировой и отечественной, в его *alma mater* — Гимназии высших наук в Нежине [6]. Собственный преподавательский стаж Гоголя к моменту поступления на должность адъюнкт-профессора всеобщей истории Петербургского университета насчитывал уже более трех лет. При составлении курса лекций и вступительной главы по библиографии Средних веков Гоголь использовал свои лекции по всеобщей истории, читанные с марта 1831 г. в Патриотическом институте, а также свои библиографические разыскания того времени. Совместить поступление на кафедру с выходом в свет книги — учебного пособия по курсу — мог позволить себе не каждый начинающий профессор.

V

За работу над главой «Библиография Средних веков» Гоголь не мог приняться ранее 1834 г., когда прочел в статье О.И. Сенковского «Скандинавские саги» (опубликована в первом номере «Библиотеки для Чтения») известие об издании «Северным Королевским Обществом Антиквариев» в столице Дании Копенгагене многотомного собрания «необнародованных Скандинавских Саг и Поэм»: «...Копенгагенское Ученое Общество предпочтительно избирает к печати исторические источники, имеющие прямую <...> связь с собственным его отечеством и некогда принадлежавшею ему Норвегиею» [36, с. 45–46]. Упоминание о датском издании саг содержится в последнем разделе «Библиографии Средних веков»: «Датское общество издало несколько саг и эдд норманских, объясняющих начало северной истории» [23, т. VIII, с. 140].

Вероятно, непосредственно за подготовку курса лекций по Средней истории, с вступительной библиографической статьей, Гоголь принялся в середине июня 1834 г. — вскоре после того, как подал около 8–10 июня прошение о поступлении на службу в Петербургский университет [10, т. 2, с. 316]. До начала учебного года, т. е. до сентября, оставалось тогда два с половиной месяца. В работе над «Библиографией Средних веков» Гоголь широко использовал библиографические записи, сделанные им предварительно в двух записных

тетрадах — 1832–1835 гг. и 1834–1835 гг. (свод библиографических выписок Гоголя по мировой истории, находящихся в этих тетрадях, с необходимыми пояснениями справочно-библиографического характера, был впервые составлен в 1952 г. Г.М. Фридлендером: [42, с. 631–634]).

Работа, вероятно, была окончена не позднее 23 августа 1834 г., когда Гоголь в письме к М.А. Максимовичу сообщал, что работает уже «не над лекциями» (которые он, по-видимому, временно тогда оставил — после написания начальных десяти), а «над собственно своими вещами» (т. е. над произведениями «Арабесок» и «Миргорода»): «Я тружусь, как лошадь, <...> но только не над казенною работою т. е. не над лекциями, которые у нас до сих пор еще не начинались, но над собственно своими вещами» [23, т. X, с. 276].

По воспоминаниям одного из гоголевских слушателей в Петербургском университете, Н.И. Иваницкого, «Библиография Средних веков» частично была изложена Гоголем в первой половине сентября 1834 г. на второй лекции, посвященной Великому переселению народов: «Гоголь приехал довольно поздно <...> поговорил немного о великом переселении народов... <...> Наконец, указав нам на кое-какие курсы, где мы можем прочесть об этом предмете, он раскланялся и уехал» [5, т. 1, с. 785].

VI

Допущенные исследователями неточности при публикации рукописей (в названии, в отдельной публикации), отсутствие долгие годы необходимых пояснений о соотношении сохранившихся лекций с полным (годовым) университетским курсом Гоголя, с последующими подготовленными им печатными изданиями, стали одной из причин того, что до настоящего времени не затронутой в исследовательских работах осталась также тесная связь лекционного курса писателя с его художественным творчеством.

В отношении творческой, художественной переработки исторического материала наиболее важной и значимой является в подготовленной Гоголем книге первая лекция. Ее название в двух сохранившихся авторизованных списках произведения отличается. В первом, хранящемся в РГБ (см. выше), его начало выглядит следующим образом: «Взгляд на состояние Западной Римской империи...» [22, т. IX, с. 106, 598]. Во втором, находящемся в РНБ, — оно читается иначе: «Взгляд на состояние Римской империи...» (слово «Западной» здесь отсутствует) [22, т. IX, с. 106].

Первый вариант заглавия (со словом «Западной») соответствует <Программе университетских лекций по истории Средних веков>, а именно, ее начальным строкам: «Отделение I. От разрушения *Западной* империи до Карла и Гарун <аль> Рашида. Прежде всего необходимо рассмотре<ть> статистическое состояние *Западной* империи за 50 лет до ее разрушения» [23, т. VIII, с. 131] (курсив мой. — *И.В.*).

Указание на Западную Римскую империю имеется также в обоих черновых набросках <Программы...>, которые находятся в записных тетрадах Гоголя: первый — в тетради 1832–1835 гг.: «Разделение истории средних веков. Причины падения Западной римской <империи>...» [22, т. IX, с. 593]; второй — в тетради 1833 г.: «Прежде [нежели] приступить к самой древней истории (описка; подразумевается: «Средней истории». — *И.В.*), нужно представить причины падения Западной империи...» [22, т. IX, с. 594].

Черновому заглавию первой главы прямо отвечают и названия последующих двух лекций: второй — «О движениях народов германских, причинивших разрушение *Западной* Римской империи»; и третьей — «Взгляд на земли *Западной* империи по занятии их народами германскими...» (курсив мой. — *И.В.*).

То, что Гоголь в большей мере обращает внимание на крушение западной части Римской империи объясняется, по-видимому, тем, что, по его же словам, в девятой лекции — «Состояние Восточной Римской империи...», разрушение сказалось в западной части намного сильнее, чем в восточной (см. ниже раздел VII наст. статьи). Поскольку Гоголя интересовали прежде всего причины падения империи, то акцент в изучении истории Рима он закономерно делал на Западной империи — как наиболее пострадавшей в катаклизмах. Именно этот аспект в гоголевском восприятии римской истории и стал наиболее значимым для его художественных произведений.

При анализе исторических лекций Гоголя следует иметь в виду особый, «прообразовательный» характер историзма писателя. Гоголь, получивший, как указывалось, основательное историческое образование в годы обучения в Гимназии высших наук в Нежине (в 1821–1828 гг.); несколько лет читавший в Петербурге курсы истории в Патриотическом институте (в 1831–1835 гг.); преподававший древнюю и средневековую историю в Императорском университете (в 1834–1835 гг.); написавший несколько исторических сочинений и статей, тем не менее в своей неозаглавленной <Авторской исповеди> (точнее — в <Авторской апологии>), утверждал: «У меня не было влечения к прошедшему. Предмет мой была современность и жизнь в ее нынешнем быту...» [23, т. VI, с. 231]. В письме к Н.М. Языкову

от 2 января (н. ст.) 1845 г. он пояснял: «...Прошедшее же и отдаленное возлюбляется по мере его надобности в настоящем» [23, т. XIII, с. 11] (см. подробнее: [4, с. 428–430]).

«Современность и жизнь» — были главными «мотиваторами» Гоголя как художника и мыслителя в изучении мировой и отечественной истории. Не только начальная, но и все другие лекции гоголевского курса в большей или меньшей степени пронизывает «имперское» начало, глубокие монархические убеждения, присущие Гоголю с юности. С судьбой Римской империи Гоголь проводил параллель весьма значимую для всей русской истории — представление о Москве как Третьем Риме [11]. Но одновременно в судьбе Древнего Рима он находил и прямую аналогию к парадоксальному «старческому» итогу, перед которым оказалось русское «образованное» общество в XIX в. вследствие неразумного подражания Западу. Этой аналогией между современностью и древнеримским прошлым Гоголь, возможно, был в какой-то степени обязан А.С. Пушкину и С.С. Уварову.

Как говорилось, главное содержание гоголевских лекций — трагические итоги падения империи. Изображенная в курсе картина постепенного крушения Римской империи предстает здесь как глобальная геополитическая «революция», многочисленные явления которых Гоголь отмечал в мировой истории. В отдельном наброске «На бесчисленных тысячах могил...» он писал: «...Сколько разнохарактерных народов <...> не возвратило с лица <земли>... <...> Сколько бесчисленных революций раскинуло по прошедшему разнохарактерные следствия!» [23, т. VII, с. 154].

Главенствующая для гоголевских лекций проблема, — причины падения империи — была затронута в 1831 г. в переписке А.С. Пушкина с П.А. Осиповой по поводу холерных бунтов. В тот период Гоголь часто общался с Пушкиным в Царском Селе, где они находились по причине эпидемии холеры. Обращаясь к Осиповой, поэт писал: «Знаете ли вы, что в Новгороде, в военных поселениях, произошли волнения? <...> Император отправился туда и усмирил бунт с поразительным мужеством и хладнокровием» [34, т. 14, с. 201, 432–433]. 21 августа 1831 г. Осипова, отвечая Пушкину, проводила прямую параллель между современной российской и древней римской империями и напоминала об историках, «писавших о причинах падения империй»: «...До тех пор, пока храбрый Николай будет придерживаться военных приемов управления, дела будут идти всё хуже и хуже. Должно быть, он читал невнимательно или вовсе не читал “Историю восточной римской империи” Сегюра. (И многих

других авторов, писавших о причинах падений империй.)» [34, т. 14, с. 212, 435].

Возможно, Пушкин познакомил тогда Гоголя с содержанием своей переписки — и тогда же затронутый в ней вопрос стал предметом разговора между ними, а впоследствии получил отражение в гоголевских лекциях. Так или иначе, но как бы прямо в ответ на критику в адрес Государя пушкинской корреспондентки, Гоголь в первой лекции, «Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования и на причины, произведшие разрушение ее», отмечает, что «управление» не достигшей зрелости империей «могло быть только в руке одного и с оружием в руках» [23, т. VIII, с. 142]. В последующей лекции об Ал-Мамуне (которая является еще одним произведением Гоголя на ту же тему; она посвящена крушению другой обширной империи — «грозного калифата», «великой империи <...> магометанского мира» [23, т. VII, с. 349]), — Гоголь также указывал, что халиф Гарун, предупреждая «деспотизм» наместников, «умел ускорить весь административный государственный ход и исполнение повелений страхом своей вездесущности», что в «азиатских образах правления, не имеющих определенных законов, вся административная часть падает на самого монарха» [23, т. VII, с. 352]. (Вероятно, отчасти по этой причине Гоголь с особым вниманием относился к предпринятому в 1830 г. по инициативе Императора Николая I многотомному изданию «Полного собрания законов Российской Империи» [15].)

Главным в лекции Гоголя «Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования...» является вопрос о «разрушении» империи, здесь называются «причины» исчезновения «монархии Римской». В числе первостепенных причин «разъединения государственных стихий» [23, т. VIII, с. 143], мятежного «взаимного сильного ожесточения между гражданами» [23, т. VIII, с. 144] и окончательного падения Римской империи Гоголь называет «перезрелость» государств, ее составлявших [23, т. VIII, с. 141]. «Перезрелость и упадок» выражались в беспорядочном заимствовании, «всеобщем эгоизме», «жажде к наслаждениям» [23, т. VIII, с. 142] и — преждевременной старости. Во втором абзаце лекции Гоголь писал: «Нацию преобладающую составляли римляне, народ <...> еще <...> не достигший развития жизни гражданской. [Этот народ увидел <...> государство с просвещением, испорченною нравственностью, избытком, естественною промышленностью и жадно бросился перенимать]. Все, что заимствовал он <...>, было блестящее и наружное — роскошь, без утонченного образа мыслей,

понятий и жизни этих народов. Он сократил свой собственный переход и, не испытав мужества, прямо из юношеского состояния перешел к старости» [22, т. IX, с. 107, 598].

Приговор, вынесенный Гоголем древнему миру, — преждевременная старость, к которой пришел народ еще юный, «еще <...> не достигший развития жизни гражданственной», погруженный в заимствованную роскошь, вполне соответствует его оценке современного состояния России, подверженной соблазнам внешнего мира. Подобно древним римлянам, русские, прельщенные западным «просвещением», с «испорченною нравственностью, изобилием, естественною промышленностью», «жадно бросились перенимать».

В этом отношении позиция Гоголя была также близка к похожей оценке тогдашнего состояния русской культуры министра С.С. Уварова. Еще будучи на посту попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, Уваров в известном Гоголю⁸ «Письме к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаметре» (1813), в частности, замечал, что при подражании французской словесности «наша Поезия будет походить на младенца, носящего все признаки дряхлости, или на увядшего юношу» [38, с. 66]. (Эти строки похожи на гоголевскую характеристику римского народа, который «прямо из юношеского состояния перешел к старости» [22, т. IX, с. 107, 598].)

В 1832 г., рассуждая о народности, Уваров добавлял: «...Государственный состав может и должен развиваться подобно человеческому телу: по мере возраста лицо человека меняется, сохраняя лишь главные черты. Речь не идет о том, чтобы противиться естественному ходу вещей, но лишь о том, чтобы не наклеивать на свое лицо чужую и искусственную личину...» [25, с. 98].

Эти же размышления Уваров повторял и в 1833 г.: «Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид по мере возраста <...> довольно того, если мы не будем добровольно скрывать лицо под искусственной и нам не сродной личиной; если

---

⁸ 23 декабря 1833 г. Гоголь, сообщая А.С. Пушкину о завершении «Плана преподавания всеобщей истории», который он собирался представить С.С. Уварову в качестве *profession de foi* для занятия должности профессора всеобщей истории в Киевском университете, замечал: «Если бы Уваров был из тех, каких не мало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли. <...> Грустно, когда некому оценить нашей работы. Но Уваров собаку съел. Я понял его еще более по тем беглым, исполненным ума замечаниям и глубоким мыслям во взгляде на жизнь Гётте. Не говорю уже о мыслях его по случаю экзаменов, где столько философического познания языка и ума быстрого» [23, т. X, с. 234]. — Гоголь имел в виду следующие три работы Уварова: «О Гёте» [40]; «Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаметре» [38]; «Ответ Г<-на> Уварова на письмо Г<-на> Капниста об экзаметре» [39].

мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий...» [41, с. 71].

Кроме Уварова, размышления о преждевременной старости молодого поколения, испорченного «цивилизованной» роскошью, разделял и Пушкин. Широко известны его слова о герое «Кавказского пленника»: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» (письмо к В.П. Горчакову 1822 г.) [34, т. XIII, с. 52]⁹.

Выражение, сходное с пушкинским определением «преждевременная старость» и уваровским — «младенца, носящего все признаки дряхлости», — употребил позднее в одной из своих статей известный поэт и критик, друг Пушкина и Гоголя, славянофил С.П. Шевырев. Статья, написанная им в 1841 г., была посвящена только что появившемуся тогда роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». «Преждевременная старость души», изображенная впервые Пушкиным в «Кавказском пленнике», получила в интерпретации Шевырева 1841 г., — в соответствии с выражением Уварова о «дряхлом младенце», — определение «собачьей старости» — по народному названию детского заболевания, при котором больной становится похож на старую собаку (медицинское название болезни — прогерия). Имея в виду Печорина, Шевырев писал: «...Что ж это за мертвец 25-летний, увядший прежде срока? Что за мальчик, покрытый морщинами старости? <...> Есть болезнь физическая, которая носит в простонародии неопрятное название собачьей старости: это вечный голод тела, которое ничем насытиться не может. Этой болезни физической соответствует болезнь душевная — *скука* — вечный голод развратной души, которая ищет сильных ощущений и ими насытиться не может. <...> Евгений Онегин, участвовавший несколько в рождении Печорина, страдал тою же болезнью... <...>. Главный же корень всему злу — западное воспитание, чуждое всякого чувства веры» [45, с. 527–529, 532]¹⁰.

⁹ Негативные черты «байронических» типов, распространенных в обществе и изображенных — как данность — А.С. Пушкиным (и, позднее, М.Ю. Лермонтовым), были среди тогдашнего молодого поколения предметом «культового» подражания. Как замечал князь В.Ф. Одоевский в статье, напечатанной в 1836 г. в пушкинском «Современнике», «произведения мрачного гения, возвысившего презрение к людям до поэтического вдохновения, произвели толпу людей, притворившихся несчастливцами в этой жизни» [29, с. 209].

¹⁰ В похожих выражениях С.П. Шевырев рассуждал тогда же — в связи с «Героем нашего времени» — о современном «трагическом водевиле Франции, смеюемся сквозь слезы и плачем сквозь смех», — называя этот водевиль «вечно юным дитя ее драмы, страдающим теперь тяжким недугом старости», а также

Позднейшее суждение Гоголя о подверженности западному влиянию как «собачьей старости» дошло до нас в дневниковой записи Е.А. Хитрово от 30 ноября 1850 г.: «Француз играет, немец читает, англичанин живет, а русский обезьянствует. Много собачьей старости» [10, т. 6, с. 580].

Перечисленные реминисценции позволяют судить, что уже в 1834 г. Гоголь, размышляя в первой лекции университетского курса о падении Римской империи, о переходе ее обитателей «прямо из юношеского состояния <...> к старости» [22, т. IX, с. 107, 598], в значительной степени решал современные проблемы отношений России и Запада. В первой же лекции по средневековой истории он ставил перед студентами «онегинские» проблемы, обличая, косвенным образом, как «собачью старость» современное западническое «обезьянство». В этих исторических штудиях во многом вызревало его понятие «мертвой души».

Понятие «собачьей старости» для характеристики подражательных явлений отечественной культуры Гоголь употреблял и в 1840-х гг. Так, обличая увлечение радикального славянофила К.С. Аксакова немецкой философией, сказавшееся в его ученой диссертации о М.В. Ломоносове, Гоголь 21 декабря (н. ст.) 1844 г. писал его отцу, С.Т. Аксакову: «Черты ребячества и черты собачьей старости будут в нем попадаться беспрестанно одни подле других и будут служить вечным предметом насмешек журналистов, насмешек глупых, но в основании справедливых» [23, т. XII, с. 545].

Вероятно, Гоголю было известно уже упомянутое определение, данное Шевыревым в 1841 г. лермонтовскому Печорину — как больному, страдающему «собачьей старостью». Однако Гоголь, вынося сходный приговор диссертации Аксакова, обнаружил прямую связь этого народного выражения с образом одного из собственных произведений — поэмы «Мертвые души». Судя по всему, Гоголь раньше и независимо от Шевырева — возможно, следуя Пушкину и Уварову, — размышлял о «собачьей старости» «онегинского»

о главном «недостатке» отечественной литературы: «...Наш недостаток, <...> которым мы наиболее страдаем в нашей Литературе, есть Русская апатия, следствие наших дружеских сношений с Западом. Посадите молодое, свежее растение под тенью столетнего кедра или дуба, который закроет его юное бытие старою тенью широких ветвей своих... <...> Вы увидите, как молодое растение утратит краски юной жизни, будет страдать преждевременною старостью своего дряхлеющего соседа... <...> Этот характер повторяется нередко в нашей литературе: о нем грезят наши повествователи, и еще недавно один из них, блистательно вышедший на поприще Поэта, нарисовал нам ту же Русскую апатию <...> в лице своего героя, которого мы, по чувству национальному, не хотели бы, но должны признать героем нашего времени» [44, с. 266–267, 290–291].

светского общества. Изучение проблем империи в лекции «Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования...» нашло отражение и в художественном произведении. Произошло это уже в 1830-х гг.

Сочетание черт «ребячества» и «старости» в труде Аксакова Гоголь характеризовал еще одним выразительным — вполне «сатирическим» образом, который можно считать своего рода «синонимом» понятия «собачьей старости», — «короткая» нога в большом, не по размеру, «сапоге». Гоголь писал: «...Тут иногда мысли то же, что короткие ноги в больших сапогах, так что формы самой ноги-то не видишь, а становится только смешно, что на ней большой сапог. <...> Там есть очень много того, что похоже на короткую ногу в большом сапоге...» [23, т. XII, с. 545].

По-видимому, таким же «синонимом» к «собачьей старости» является у Гоголя и фамилия героя повести о ссоре помещика Перерепенко — образованная от украинского слова «перерепанка» — перезрелый, треснувший плод [37, с. 135]. В фамильном прозвище этого героя тоже заключен намек на преждевременное старение — и даже содержатся исторические реминисценции с удручающим состоянием древних империй в эпоху их заката и упадка (подробнее см. в разделе VII наст. статьи).

Весь этот значимый, с всемирно-историческим подтекстом образный комплекс, во всех его трех «синонимах», и находит свое отражение в «Мертвых душах». Фамилия Перерепенко и само понятие «собачьей старости» отзываются здесь в образе «съевшегося старичишки» Плюшкина в первом томе поэмы [23, т. V, с. 545], а образ «короткой» — маленькой ноги, ноги мальчишки в большом, «великовозрастном» сапоге, — появляется в описании плюшкинского имения (образ «тринадцатилетнего» мальчика, в не подходящей для его возраста обуви, также отвечает народному названию детской болезни «собачьей старости», когда ребенок, по словам давней знакомой Гоголя А.О. Смирновой, «становится похож на старую собаку» [10, т. 4, с. 625]). Несмотря на то, что образ ребенка в больших сапогах возникает в поэме тоже в комическом, «амбивалентном» контексте, это не снижает его важности и остроты: «...Наконец дверь отворилась, и вошел Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги. Почему у Прошки были такие большие сапоги, это можно узнать сейчас же: у Плюшкина для всей дворни <...> были одни только сапоги... <...>. Всякий призываемый в барские покои обыкновенно отплясывал через весь двор босиком, но, входя в сени, надевал сапоги и таким уже

образом являлся в комнату. Выходя из комнаты, он оставлял сапоги опять в сенях и отправлялся вновь на собственной подошве. Если бы кто взглянул из окошка в осеннее время <...>, то бы увидел, что вся дворня делала такие скачки, какие вряд ли удастся выделать на театрах самому бойкому танцовщику» [23, т. V, с. 120–121].

Сапоги не ради сбережения «собственной подошвы», а лишь напоказ — эту приметку «просвещенности» Гоголь изобразил еще в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в повести «Заколдованное место» (1832), где герой тоже пользуется сапогами не по прямому их назначению, но исключительно для соответствия приличиям «порядочного общества» (см. подробнее: [1, с. 87–88]): «А дождь пустился, как будто из ведра. Вот, скинувши новые сапоги и обернувши в хустку, чтобы не покоробились от дождя, задал он такого бегуна, как будто панский иноходец» [23, т. I/II, с. 275]. Об этой же «бережливости», продиктованной щегольством, Гоголь упоминал в «Вии», в характеристике бурсаков-«богословов»: «Богословы особенно были бережливы и аккуратны: для того чтобы не износить сапогов, они скидали их, вешали на палки и несли на плечах, особенно когда была грязь» [23, т. I/II, с. 416–417]. Образы «Заколдованного места», «Вия» и «Мертвых душ» свидетельствуют об определенной распространенности подобного явления во времена Гоголя. Характерно, что, кроме Гоголя, эта бытовая черта была подмечена другими современниками. Так, Н. Ковалевский в 1841 г. в рассказе «Гоголь в Малороссии. Уездная быль» (рассказ напечатан еще до выхода в свет «Мертвых душ») описал похожую сцену как характерную для провинциальных помещиков, старающихся показать свою «просвещенность» и «цивилизованность»: «“...Доложи своему барину, что к нему прихав — Гоголь”. <...> “О што за увальень! Оконфузить меня, бестия!.. Ну, ступай!” Мальчик намеревался уйти в другую комнату. “Постой! постой! — закричал ему Онуфрий Лукич, — да ты с босыми ногами! — Надень же сапоги прежде...”» [26, с. 22–23].

Понятие «собачьей старости», приложимое к образу «съезжившегося» Плюшкина, применимо к герою именно как характерная черта западного влияния (см. подробнее: [2, с. 543–544]). В черновой редакции «Мертвых душ» в описании плюшкинского дома встречается следующее упоминание о Европе: «Дождь и время отвалили во многих местах со стен щекатурку и произвели на них множество больших пятен, из которых одно было несколько похоже на Европу...» [22, т. VI, с. 305].

Ключевой приметой в образе «мертвой души» Плюшкина является его комната, заваленная старым хламом. Не случайно Гоголь

по поводу разносчика, «забросавшего комнату товарами», позднее заметил: «Так и мы накупили всякой всячины у Европы, а теперь не знаем, куда девать» [10, т. 6, с. 556]. Сходным образом в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он замечал, что в «нынешнее» время в Россию «нанесены итоги всех веков и, как неразобранный товар, сброшены в одну беспорядочную кучу» (статья «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»; [23, т. VI, с. 195]). Вполне «плюшкинское» накопление бессмысленных схоластических знаний Гоголь отмечал и в 1834 г. в статье «Ал-Мамун»: «Багдад превратился в республику разнородных отраслей познаний и мнений. <...> Для араба поле подвигов было заграждено этим бесплодным чужестранным просвещением» [23, т. VII, с. 350–352]¹¹.

VII

Изучение различных недостатков и пороков древней Римской империи, приведших к ее падению, служило Гоголю как государственно ориентированному писателю-сатирику [14; 16] к осмыслению проблем Российской империи. Удручающая картина крушения Римской империи изображается в большинстве лекций гоголевского курса. Она выступает здесь своего рода пророчеством-предупреждением к судьбе России. В третьей лекции — «Взгляд на земли Западной империи по занятии их народами германскими...» — приводится следующая характеристика «отношения германцев к оставшимся римлянам»: «Цветущие римские деревни, загородные дома, жилища римских патрициев были истреблены. Все высшее сословие, составлявшее класс *Privilegii*, большую часть выселилось в разные времена в Византию, провинции восточные или отчасти вступило в число обитателей городов. Весь низший класс был или истреблен,

¹¹ В 1844 г. Гоголь писал также «Близорукому приятелю» (письмо было вызвано юношеским сочинением Ю.Ф. Самарина [13]): «Мысли твои о финансах основаны на чтенье иностранных книг да на английских журналах, а потому суть мертвые мысли. стыдно тебе, будучи умным человеком, не войти до сих пор в собственный ум свой, который мог бы самобытно развиваться, а захламостить его чужеземным навозом» [23, т. VI, с. 134]. В статье «Христианин идет вперед» Гоголь добавлял: «Ум <...> не двинется вперед, покуда не двинутся в нас все другие способности, от которых он умнеет. Отвлеченными чтеньями, размышленьями и беспрестанными слушаньями всех курсов наук его заставишь только слишком немного уйти вперед; иногда это даже подавляет его, мешая его самобытному развитию» [23, т. VI, с. 54–55]. В статье о русской поэзии Гоголь заключал: «Еще <...> не успели мы вывести итогов из множества всяких элементов и начал, нанесенных отовсюду в нашу землю, еще во всяком из нас bestоловая встреча чужеземного с своим, а не разумное извлечение того самого вывода, для которого повелена Богом эта встреча» [23, т. VI, с. 191] (см. также: [18, с. 282–288]).

или продан и обращен в рабство, или тоже поступил в число обитателей городов» [23, т. VIII, с. 152].

Четвертая лекция — «Состояние Италии под владычеством готов, греческого экзархата, ломбардов; их влияние и отношение к римлянам» — тоже начинается с изображения одного из итогов крушения империи: «Италия после всех означенных переворотов явилась к концу V века опустошенной, лишенной почти всех средств существования для небольшого числа обедневших ее жителей» [23, т. VIII, с. 155].

С не менее плачевной картины начинается пятая лекция — «Взгляд на состояние Рима и начало духовной и светской власти пап»: «Рим, прежняя столица древнего мира, совершенно опустел. Пребывание главного епископа, стечение пилигримов, приходивших поклониться гробу апостолов Петра и Павла, очень мало и медленно споспешествовали к возобновлению ограбленных дворцов его и храмов» [23, т. VIII, с. 158].

Только в девятой лекции — «Состояние Восточной Римской империи во время религиозных споров, битв с персами и завладения земель ее арабами» — Гоголь замечает, что разрушение древней Римской империи сказалось на Востоке (тоже далеко не «идеальном») в меньшей степени, чем на Западе: «В империи Восточной Римской сохранилась еще образованность древнего мира... <...> Верховное владычество императора, <...> непомерное богатство и презрительная бедность напоминали римский мир и представляли резкую противоположность полудикой и младенческой жизни государств, основанных на землях прежней Западной империи» [23, т. VIII, с. 166–167].

Одновременно в качестве отдаленного будущего мировой истории — как бы издали «прозреваемого» создания Российской империи — в лекциях намечается славянская тема. Строки третьей лекции — «Взгляд на земли Западной империи по занятии их народами германскими...» — сообщают о «славянах, ворвавшихся в пространство от Дуная до Балтийского моря и занимавших бесчисленными племенами сплошь всю юго-восточную Европу» [23, т. VIII, с. 153]. Эти строки соотносятся, во-первых, с словами школьного наставника Гоголя, директора Гимназии высших наук в Нежине, И.С. Орлая. Глубоко повлиявший в юности на будущего создателя «Страшной мести» и «Тараса Бульбы» Орлай, уроженец Карпатской Руси, в 1825 г. писал: «Россиянин с одним Славяно-Русским языком может пройти <...> даже до конца берегов Адриатического моря» [30, с. 324]. Во-вторых, строки лекции перекликаются

с замечанием самого Гоголя в письме к матери от 26 августа (н. ст.) 1839 г. из Вены о том, что в Триесте «половина италианцев, половина славян, которые говорят почти по-русски — языком очень близким к нашему малороссийскому. Прекрасное Адриатическое море передо мною...» [23, т. XI, с. 247] (см. подробнее: [10, т. 2, с. 433–437; т. 3, с. 282–283]). Н.И. Надеждин в 1836 г. также писал: «Многие ли у нас знают, что до Адриатического моря Рус<с>кой может ехать с одним своим языком; что н<a>п<ример> в Бринне (Брно), за двадцать миль от Вены, он поедет улицей, на которой написано крупными буквами: “мещанская улица”; что каждое урочище, каждый ручеек, каждый холмик, каждая деревня будет откликаться ему знакомым именем; что в пяти верстах от Триеста встретит он сельцо *Общину*, деревню *Сеносечь*; что Лейбах доныне называется *Любяна*, Эрфурт — *Кожухов*, Грец — *Градец*, Рагуза — *Дубровник*, Лейпциг — *Липск* или *Липецк*? Может быть иные и знают, да думают, что славянская речь существует только в устах простонародия, лишенная всех прав гражданства, как н<a>п<ример> у нас языки Финнов, наречия Мордвы, Чувашей, Лапонцев? Это совершенная неправда. Язык славянский так силен, так общ в Австрийской империи, что когда Иосиф II, для прочнейшего единства своих разнородных владений, решился ввести в них один государственный язык, он колебался между немецким и славянским...» [27, с. 242].

Отдельно истории славянства Гоголь посвятил восьмую лекцию курса — «Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи». Здесь Гоголь также отмечал: «Славяне были самые древние обитатели восточной Европы. <...> По уничтожении гуннов <...> племена славянские постепенно занимали места, оставляемые германскими, и наполнили Европу от Рагузы до Балтийского моря и Дании» [23, т. VIII, с. 165].

Скудостью и неудовлетворительностью тогдашних трудов по славянской истории объясняется то обстоятельство, что задолго до подготовки к университетским лекциям, Гоголь в 1832 — начале 1834 гг. изучал историю славян отдельно — в основном по первому тому «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и четырехтомному изданию И.М. Штриттера, посвященному истории славянства, — по «Известиям Византийских историков, объясняющих Российскую историю древних времен...» [46]. В «Библиографии Средних веков» Гоголь упоминал также о летописях «народов славянских», хранящихся «в Императорской Публичной библиотеке в Петербурге» [23, т. VIII, с. 140]. (Издание начальных русских летописей началось, трудами петербургской Археографи-

ческой комиссии, в 1840-х гг. [32, т. 1–4]; впоследствии, при жизни Гоголя, вышел в 1851 г. еще один том [32, т. 5]¹². О работе Гоголя с архивными источниками свидетельствует его сообщение в письме к И.И. Срезневскому от 1 июня 1834 г. о том, что в достоверности отдельных исторических сведений он убедился из этих материалов: «Справедливость многих я узнал, нашедши доказательства в здешних архивах» [23, т. X, с. 261].)

На основе этих трудов и источников Гоголь составил для себя в 1832 — начале 1834 г. предварительный <Очерк о славянах> (очерк, в свою очередь, остался не озаглавленным и при жизни писателя не печатался) [23, т. VIII, с. 11–24]. Главные выводы этого очерка он прямо использовал затем в лекции «Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи». Тщательность изучения исторической литературы и в этом случае лишний раз свидетельствует об основательной подготовленности Гоголя к чтению университетского курса. Обширный материал, проработанный писателем, был максимально сжат в лаконичных формулировках небольшой лекции.

Во всех гоголевских исторических штудиях с настойчивостью повторяется мысль о пагубности политических разделений. В его лекциях, статьях и отдельных набросках эта мысль применяется к самым разным историческим эпохам и государствам, к историям — русской, украинской, европейской, новейшей и древнейшей (включая библейскую) [6, с. 594–595]. В лекции «Состояние Европы неримской...» Гоголь также писал: «Рассеянная жизнь, открытые пространства России, неимение никаких союзов и взаимной связи между племенами были причиною их беспрерывных покорений многочисленными нациями, умевшими повиноваться одному вождю» [23, т. VIII, с. 165]. Мыслью об отсутствии в древней русской истории объединяющего единодушия проникнуто у Гоголя и горько-ироническое замечание в черновой редакции повести «Портрет» 1834 г. о затруднительности для рассказчика «перечесть по именам удельных князей, наполняющих Русскую историю» [22, т. III, с. 616]. С этими строками со своей стороны перекликается содержание раздела «Италия» гоголевского конспекта 1833 г. «Европа в Средние века» книги английского историка Г. Галлама (эта книга была широко использована Гоголем при составлении лекций): «В конце

¹² Этих изданий Гоголь ожидал. В 1837 г. он, к примеру, писал Н.Я. Прокоповичу: «Если что-нибудь вышло по части русской исто<рии>, издания Нестора, или Киевской летописи, Ипатьевской, или Хлебниковского списка — пожалуйста, пришли» [23, т. XI, с. 124]. К последовавшему многотомному собранию [32] Гоголь проявлял неизменный интерес.

XIII <века> считалось на севере Италии столько же принцев, сколько было свободных городов в предшествующем веке. Равенство сил, домашние революции, потрясавшие их троны, препятствовали им похищать владения у соседей. Но число их уменьшалось. Города желали впоследствии <лучше> прибегнуть к блистательным фамилиям, чем к толпе мелких неизвестных тиранов» [23, т. VIII, с. 263]. Критику владетельных распрей, порождаемых мелкими «тиранами», вызывала, таким образом, у Гоголя не только русская история.

Сетую на распри и ссоры многочисленных русских удельных князей, Гоголь в том же 1834 г. (28 мая) писал приятелю М.А. Максимовичу: «Я с ума сойду, если мне дадут русскую историю» [23, т. X, с. 259]. Спустя две недели, обсуждая планы преподавания в Киевском университете, он пояснял: «Если бы это было в Петербурге, я бы, может быть, взял ее, потому что здесь я готов, пожалуй, два раза в неделю на два часа отдать себя скуке» [23, т. X, с. 262] (курсив мой. — И.В.). В том же 1834 г. в статье «Несколько слов о Пушкине» Гоголь, подводя итог своих размышлений об отечественной истории, замечал: «Русская история, только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частию был бесцветен...» [23, т. VII, с. 276]. Другими словами, для Гоголя — молодого адъюнкт-профессора Петербургского университета — вся русская история до Петра (титул императора был принят Петром I в 1721 г.), оказывалась, вследствие внутренних неурядиц и княжеских ссор, «скучной» и «бесцветной». Этот вывод, с замечанием Гоголя о том, что преподавание русской истории вызывает у него «скуку», прямо повторяет заключительное восклицание в «Повести о том, как *поссорился* Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «*Скучно* на этом свете, господа!» [23, т. I/II, с. 497] (курсив мой. — И.В.). (Из пояснений Гоголя в письме к Максимовичу следует, что, не желая посвящать себя курсу русской истории, он избегал этим отнюдь не банальной скуки, но куда более серьезного душевного испытания — возможной, вдали от близких людей, «сердечной тоски», связанной с этими лекциями [23, т. X, с. 263].)

Следуя неожиданной, на первый взгляд, аналогии между раздорами реальных героев истории и героями гоголевской повести о ссоре, можно предположить, что именно вследствие глубокого «прообразовательного» художнического мышления Гоголя один из героев повести о двух Иванах и носит, как уже отмечалось, «говорящую» фамилию Перерепенко («Перерепанка, <...> треснувший

плод, потрескавшийся предмет» [37, с. 135]; «Перерепатися, <...> потрескаться, полопаться» [37, с. 135]). Прозвище героя произведения, посвященного непрекращающейся вражде и ссоре, в этом контексте прямо указывает на «перезрелость и упадок» [23, т. VIII, с. 141], чреватые процессами, которые привели когда-то к саморазрушению Римскую империю — с ее враждующими «правителями провинций», «бесконечными спорами» и «ожесточением между гражданами» [23, т. VIII, с. 142–144].

VIII

В статье «Ал-Мамун», а также в незавершенной драме «Альфред», написанных Гоголем по материалам своего курса средневековой истории, причину крушения империи он наблюдал, в числе прочего, именно в оппозиционности местной власти, в том, что «каждый» из «наместников» правителя «обыкновенно стремится быть деспотом»: «...Полномочные наместники вдруг возрастают, и государство наполняется миллионами деспотов» («Ал-Мамун»; [23, т. VII, с. 349]). Этим затрагивались еще два обстоятельства, сопровождавшие падение монархии: появление сепаратизма («Сильные эмиры <...>, почувствовавши слабость связи Багдада, думали о независимости...») [23, т. VII, с. 352]) и возникновение междоусобиц, проблему которых, особенно в начальный период русской истории, Гоголь переживал, как указывалось, исключительно остро (см. также: [8; 9]). В связи с этим задачу монарха в порочном обществе, где «один силился пред другим во что бы то ни стало взять верх хотя бы на одну минуту» (повесть «Рим»; [23, т. III/IV, с. 186]); где каждый стремится «проехать на другом верхом» (повесть «Вий»; [23, т. I/II, с. 442]), Гоголь видел в том, чтобы «подвести под законы и укротить своевольное неустройство <...> беспокойных магнатов государства, глядящих лесным зверем» (драма «Альфред»; [23, т. VII, с. 373]). Помимо многочисленных примеров из истории удельной Руси, кроме примера из истории Ивана Грозного — «притеснявшего и казнившего», ради единства страны, высокородных бояр (статья «О лиризме наших поэтов»; [23, т. VI, с. 47]), пагубность местной аристократии Гоголь отмечал и в истории Италии VI в. — вскоре после утраты ею бывшего римского единства.

В четвертой лекции курса — «Состояние Италии под властью готов, греческого экзархата, ломбардов; их влияние и отношения к римлянам» — он писал: «...В землях ломбардских произошла аристократическая анархия: 30 герцогов, обративших

свое достоинство в наследственное, тиранствовали каждый в своей провинции, <...> установили в больших городах, на место римских префектов, ломбардских графов, <...> и в 10 лет такого правления опустошили города... <...> Ломбардские герцоги, наскучив беспорядочностию своей аристократии, избрали, наконец, короля...» [23, т. VIII, с. 157]. (Слово «наскучив» в приведенной здесь фразе: «наскучив беспорядочностию своей аристократии», — опять напоминает заключительные строки повести о бесконечной ссоре между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем: «Скучно на этом свете, господа!».)

Процитированный фрагмент является пересказом Гоголя одного из разделов упомянутого его конспекта книги Г. Галлама «Европа в Средние века», где подчеркивается и «ничтожность» местных враждующих тиранов: «Ломбарды оставались владетелями Фриуля, Вероны, Лигурии, отчасти Генуи, Умбрии и большей части Тосканы. Это пространство они разделили на 30 герцогств... <...> Каждый из них тиранствовал в своем герцогстве, <...> и в продолжении 10 лет такого правления разорили итальянские города, обратили в пепел церкви, <...> наконец, *наскучив ничтожностью* своей беспорядочной аристократии, избрали короля...» («Италия до Оттона»; [23, т. VIII, с. 183]) (курсив мой. — И.В.).

Мысль об анархии была даже вынесена Гоголем в заглавие шестой лекции курса — «Состояние франков под начальством королев-предводителей. Их отношения к завоеванным землям. Анархия при не имеющих власти королях и владычество меров» [23, т. VIII, с. 159].

О борьбе монарха с местной аристократией Гоголь размышлял не только в статье «Ал-Мамун» и в драме <Альфред>. Тема единства страны и проблема монарха как ее настоящего вождя — не «наемника», а «пастыря» (Ин. 10, 12), является одной из ключевых для повести «Тарас Бульба», для позднейших «Выбранных мест из переписки с друзьями» и продолжения «Мертвых душ» (см.: [8; 9; 18]).

IX

В своих чаяниях Гоголь определенно рассчитывал на объединительное начало веры. С наибольшей силой и полнотой сплывающее, религиозно-патриотическое воодушевление было изображено им в «Тарасе Бульбе» [4, с. 491–492]. «Религия, — писал он также в первой половине 1830-х гг. в статье “Взгляд на составление Малороссии”, — <...> более всего связывает и образует народы...»

[23, т. VII, с. 160]. Примечателен указываемый Гоголем в этой статье «состав» народностей, входивших, наряду с основной массой «коренных обитателей южной России», в православное запорожское братство: «Дикий горец, ограбленный россиянин, убежавший от деспотизма панов польский холоп, даже беглец исламизма татарин...» [23, т. VII, с. 166]. Гоголь хорошо понимал, что христианская вера может служить не только к сплочению отдельной нации, но и к объединению — и даже «слитию» — разных народов. Излагая в четвертой лекции курса — «Состояние Италии под владычеством готов...» — историю средневековой Италии, он указывал, что принятие в конце VII века ломбардами христианства послужило «к теснейшему слитию наций римской и ломбардской» [23, т. VIII, с. 158].

В связи с темой государственности Гоголь рассматривал духовные вопросы и в пятой лекции курса — «Взгляд на состояние Рима и начало духовной и светской власти пап». Но здесь Гоголь затрагивал несколько иной — «оппозиционный» аспект этой темы. Главным в осмыслении проблем власти стали в этой лекции наблюдения над своеобразным «демократизмом» католицизма. Характеризуя политику римских пап, Гоголь замечал: «...Утеснение <со стороны> герцогов предало их покровительству (покровительству пап. — *И.В.*) народ, ожидавший только случая отложиться от императора» [23, т. VIII, с. 159]. Размышления о том, что папы в борьбе за первенство часто опирались на народные низы — подрывая этим власть европейских монархов, — имеются также в конспекте «Европа в Средние века» книги Г. Галлама: «Несмотря на дарственные свои земли от Константина, Пипина, Карломана и Людовика, папы боролись в самом Риме с префектами, офицерами, присягавшими императору... <...> Чтобы сохранить свои быстрые приобретения, <...> нужно было унижить в Италии власть императора и поднять демократизм городов» (раздел конспекта «Италия» («По смерти Карла Толстого...»); [23, т. VIII, с. 159]).

В лекции «Взгляд на состояние Рима и начало духовной и светской власти пап» Гоголь отмечал: «Римляне изгнали из города императорских чиновников, установили правление, похожее на древнее республиканское, и главою республики провозгласили папу» [23, т. VIII, с. 159]. Главным результатом («главным происшествием»; [23, т. VIII, с. 260]) папской политики явилось, однако, при этом не возрождение «республики», а, опять-таки, «учреждение мелких тираний на развалинах прав республиканских»: «...Все города, так упорно отказывавшиеся от легких знаков покорности императору, потеряли даже память от независимости и были разделены как вот-

чины их новых повелителей» [23, т. VIII, с. 261–262]; «При начале республик ломбардских их ссоры <...> были ограничиваемы посредничеством императора, и потеря этого влияния, может, была одна из причин, доведших Италию до такого состояния...» («Италия» («По смерти Карла Толстого...»); [23, т. VIII, с. 260]).

Проблему духовной власти Гоголь критически затрагивал также в седьмой лекции курса — «Состояние королевства вестготов в Испании и завоевание ее арабами»: «Законы были переделываемы несколько раз <...> под руководством епископов; исполнены нетерпимости, сильного влияния духовенства, отозвавшегося впоследствии инквизициею. Часто дела государственные были решаемы на епископских соборах» [23, т. VIII, с. 163–164].

X

К проблеме соотношения духовной и светской властей Гоголь обратился вновь в девятой лекции курса, носящей характерное название «Состояние Восточной Римской империи во время религиозных споров, битв с персами и завладения земель ее арабами». «Религиозные споры» составляют главный предмет этой лекции. Гоголь писал: «...В Константинополе образовалось совершенно духовное государство: монахи заседали в советах и вместо важных гражданских дел были предлагаемы прения о предметах религиозных, отлучения и проскрипции» [23, т. VIII, с. 172]. Согласно Гоголю, духовные прения и споры в управлении государством в свою очередь разрушали устои империи, подготавливая ее падение.

Для адекватного понимания этой проблематики следует иметь в виду, что в отношении к суевериям и ересям Гоголь всегда занимал последовательную «просветительскую» позицию, полагая, что со временем, усилиями Церкви и правительства, предрассудки и заблуждения будут искоренены. Начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки», он добродушно высмеивал невежественные верования и предрассудки, а также нелепые суждения изображенных им, по домашним воспоминаниям, народных псевдо-«богословов» [19].

Но одновременно Гоголь считал, что слишком радикальная политика в духовных вопросах может принести вред, истребив в народе не только суеверия, но и зачатки подлинной веры, которые порой «нечувствительно» смешиваются с заблуждениями. «...Жажда бессмертия уже кипит и в неразвившемся человеке», — замечал он по этому поводу в статье «О движении народов в конце V века» [23, т. VII, с. 329]. Представление об исконной религиозности

человека (в том числе людей, «пробывавших во тьме язычества и лишенных Боговедения») Гоголь высказывал позднее во вступлении к «Размышлениям о Божественной Литургии» [23, т. VI, с. 349]. Согласно убеждениям писателя, даже исполненные языческих суеверий старинные народные сказки («Там чудеса: там леший бродит...» [33, с. 7]) обладают — в сравнении с человеком, утратившим всякую веру, — живительной силой, ибо несут в себе породившую их веру в загробный мир. Отсюда замечание в первой лекции гоголевского цикла: «Политеизм обессиленный, давно сокрушенный в своих началах, исполнялся только наружно. <...> ...Суеверие и даже колдовство воцарилось в недрах этого странно смешенного общества» [23, т. VIII, с. 142]. Это замечание относится к дохристианской эпохе, когда начала древних верований были поколеблены. Мысль о позитивности, плодотворности «светлых» религиозных убеждений, свойственных «и не развившемуся» человеку, Гоголь воплотил еще в 1827 г. в «Ганце Кюхельгартене»: «Под портиком божественный мудрец / Ведет высокое о дольном мире слово; / Кому за доблести бессмертие готово, / Кому позор, кому венец» [23, т. VII, с. 19] (см. подробнее: [1, с. 24]). Размышляя об утрате всякой веры во времена губительных раздоров древнерусских князей, Гоголь в статье «Взгляд на составление Малороссии» замечал: «Народ приобрел хладнокровное зверство, потому что он резал, сам не зная за что. Его не разжигало ни одно сильное чувство — ни фанатизм, ни суеверие, ни даже предрассудок. Оттого, казалось, умерли в нем почти все человеческие сильные благородные страсти, и если бы явился какой-нибудь гений, который бы захотел тогда с этим народом совершить великое, он бы не нашел в нем ни одной струны, за которую бы мог ухватиться и потрясти бесчувственный состав его...» [23, т. VII, с. 161]. Смешанный с суевериями страх перед потусторонними силами играет также немаловажную роль в ранних гоголевских «сказках»-повестях «Вечеров на хуторе близ Диканьки»¹³.

¹³ В статье «Об архитектуре нынешнего времени» Гоголь также замечал: «... Изумление овладевает духом, когда видишь, как почти дикий <...> человек <...> был <...> проникнут и восторжен мыслью о божестве, что невольно показал разоблачение своего гения и упредил медленные годы векового образования» [23, т. VI, с. 266]. В статье «Скульптура, живопись и музыка» он пояснял: «Великий Зиждитель мира <...> дикому, еще не развернувшемуся человеку <...> вдвинул мысль о одчестве. Простыми, без помощи механизма, силами <...> <тот> vorочает гранитную гору, <...> громоздит ее к небу и повергается ниц перед безобразным ее величием. Древнему, ясному, чувственному миру послал Он прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту, — и весь древний мир обратился в фициам красоте. Эстетическое чувство красоты слило его в одну гармонию и удержало от грубых наслаждений» [23, т. VI, с. 288]. Эта же мысль воплощена Гоголем в еще одном произведении «Арабесок» — в эссе «Жизнь» [18]. В заметке «Собственные

В этом отношении к многочисленным дохристианским суевериям и предрассудкам Гоголь считал единственно правильным постепенное просвещение народа — а не насильственные, раздражающие его — и разделяющие государственное единство — «инквизиционные» меры. На примере арабского калифа Ал-Мамуна он демонстрировал, что нетерпимость в духовных вопросах тоже способна разрушить государство. Говоря о попытках Ал-Мамуна истребить суеверия подданных, он писал: «Первым шагом к образованию своего народа он почитал истребление энтузиазма, того энтузиазма, который составлял существование народа аравийского, того энтузиазма, которому он обязан был всем своим развитием и блестящею эпохою, подорвать который — значило подорвать политический состав всего государства. <...> ...Может быть, с дальнейшим только развитием его <араба> могла нечувствительно очиститься его вера. Но Ал-Мамун не постигал азиатской природы своих подданных. <...> Во всяком случае, он дал поучительный урок. Он показал собою государя, который при всем желании блага, <...> был <...> невольно одною из главных пружин, ускоривших падение государства» [23, т. VII, с. 353–354].

Главная ошибка «космополита» Ал-Мамуна как преобразователя арабской «нации» заключалась, по Гоголю, в том, что, вводя христианство, он принялся истреблять «пламенную религиозность» арабов, тогда как ему надо было лишь направить их духовный «энтузиазм» в нужное русло, — так, как это произошло при крещении народов средневековой Европы: «Вера и глубокое почитание варварскими народами жрецов дают в самом начале силу христианским священникам и духовенству» (заметка «История духовной власти в Средние веки»; [23, т. VIII, с. 187]); «...Председательствовали <...> вместо прежних друидов и жрецов епископы, положившие таким образом начало своего сильного влияния» (лекция «Взгляд на земли Западной империи по занятии их народами германскими...»; [23, т. VIII, с. 154]).

результаты о славянах» писатель размышлял: «Религия славян становилась менее сложной, где терялось первое познание жизни» [23, т. VIII, с. 20]. В статье «О малороссийских песнях» Гоголь особо подчеркивал, что «невывразимой поэзии» народных песен, обязанной религиозному чувству, «еще более помогают остатки обрядов древней Славянской Мифологии, которые они покорили Христианству» [23, т. VII, с. 173]. Позднее, в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь упоминал о «бедных останках орд, распалющихся свое воображенье рассказами о богатырях <...>, живущих по тысяче лет на свете», — т. е. о близком к бессмертию долгожительстве, — и о «нашем сказочном русском богатырстве, которое в виде какого-то темного пророчества носится <...> над нашею землею, прообразуя что-то высшее, нас ожидающее...» [23, т. VI, с. 159].

Такое же неразумие, как опрометчивая политика Ал-Мамуна, проявил, по Гоголю, и византийский император, св. правоверный царь Юстиниан (Иустиниан), который, согласно содержанию лекции «Состояние Восточной Римской империи во время религиозных споров...», ослабил государство насильственными мерами против еретиков. В конечном итоге это прямо послужило последовавшему возвышению арабов (последние в свою очередь терпели крушение своей государственности вследствие религиозных раздоров). В лекции о состоянии Византии «во время религиозных споров» Гоголь писал: «...<К> циркам и бегам на колесницах <...> устремилась вся жизнь общественная. Участие, принятое в двух спорящих ристателях, было так сильно, что цвет платьев их, голубого и зеленого, сделался девизом двух партий, к которым присоединились и религиозные причины. Партию голубых большею частью составляли православные, на стороне зеленых были еретики. <...> ...Император решил прекратить партии сект, уже составивших жизнь государства, острием оружия и силою законов, но истощил собственные силы и обезлюдил провинции. Принятое им покровительство в цирке партии голубых дало им всю дерзость производить разбойничества и притеснения. Зеленые, лишённые покровительства законов, составили ожесточенную оппозицию уже против самого императора и правительства. Бунт и сражение, произведенное ожесточением партий, страшно опустошили Константинополь, истребив около 30 тысяч жителей и обратив в пепел лучшие здания в городе» [23, т. VIII, с. 169–170].

В решении проблем единства страны, а также в отношении к вопросу папской политики Гоголь, как и в других политических вопросах, проявлял себя как мыслитель-государственник — и, одновременно, как смиренный христианин [12; 13; 15; 17]. В статье «О Средних веках» он заключал: «Невольнo преклонишь колена, следя чудные пути Провидения: власть папам <...> дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали...» [23, т. VII, с. 180]. Во «Взгляде на составление Малороссии» он пояснял: «...Самодержавный папа, как будто невидимо паутиною, опутал всю Европу своею религиозною властью, где его могущественное слово прекращало брань или возжигало ее, где угроза страшного проклятия обуздывала страсти и полудикие народы» [23, т. VII, с. 160]. «И как только народы достигли состояния управлять собою, — продолжал Гоголь в статье «О Средних веках», — власть папы, как исполнившая уже свое предназначение, <...> стала разрушаться... <...> Власть их <...> была то же, что

подмостки и лес для постройки здания; вначале они выше и кажутся значительнее самого строения, но как только строение достигло настоящей высоты, они как ненужные принимаются прочь» [23, т. VII, с. 180]. В 1844 г. Гоголь писал А.О. Смирновой: «Если вам случится в жизни на кого-либо сильно подействовать, <...> воздвигнуть дух человека, старайтесь не о том, чтобы сделаться ему нужной и необходимой, но о том, чтобы довести его до такого состояния, чтобы он не имел в вас нужды, старайтесь возвести его к нему самому, к его собственной самостоятельности, чтобы он не на вас опирался, а на что-то *крепчайшее*. Одним словом, не так следует поступать, как католические попы, которые доводят человека до нерешительности и бессилия ребенка и стараются только о том, чтобы показать, что они *нужны*, а не о том, чтобы показать истинную *необходимость* [самой] религии» [23, т. XII, с. 443–444]. В статье «Занимающему важное место» «Выбранных мест из переписки с друзьями» он повторял: «Смотрите, <...> чтобы никто не опирался чересчур и слишком на вас, как на собственный посох свой, подобно тому как римско-католические дамы опираются на духовников своих, без воли которых они не смеют переступить в другую комнату и ждут для этого исповеди...» [23, т. VI, с. 152].

Осмысление пороков «тиранической» демократии — а также мнимой монархии, использующей в своем деспотическом правлении «демократические» средства, Гоголь продолжил во второй редакции повести «Портрет», где «великодушная Государыня» Екатерина II говорит о том, что знаменитый итальянский поэт «Дант не мог найти угла в своей республиканской родине»: «Государыня заметила, что не под монархическим правлением угнетаются высокие, благородные движения души, <...> что, напротив, одни монархи бывали их покровителями», что «безобразные политические явления и терроризмы республиканские <...> доселе не подарили миру ни одного поэта» [23, т. III/IV, с. 104].

В конспекте Гоголя «Европа в Средние века» книги Г. Галлама говорится, что «в одной из революций, произведенных <...> разветвлением» республиканских заговоров, «Флоренция изгнала из стен своих Данта Алигиери» («Италия» («По смерти Карла Толстого...»); [23, т. VIII, с. 260]). Имея в виду антиреспубликанские взгляды Данте, Гоголь писал, что в «отношении к империи» итальянцы «никогда не прерывали этой нити» и что этому «помогали много поэты, юрисконсульты, вещавшие итальянцам о верховности императора» [23, т. VIII, с. 264]. В 1846 г. в статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь тоже замечал: «Высшее значенье монарха прозрели у нас

поэты, а не законоведцы, слышали с трепетом волю Бога создать ее в России в ее законном виде...» [23, т. VI, с. 46].

В другом разделе конспекта книги Г. Галлама — «Флоренция» — Гоголь добавлял: «Домашние революции и непостоянство успехов в заговорах были так часты во Флоренции <...>, что Дант сравнивает <ее> с больным, который, не находя покоя, думает себя облегчить, переменяя беспрестанно положение в своей кровати (смотри Чистилище, песнь 6, E si ben ti ricordi... , etc.)» [23, т. VIII, с. 267].

Обобщая содержание гоголевской книги, можно сказать, что изучение мировой истории в процессе создания лекций послужило Гоголю основой для того кардинального вывода, который он изложил несколько лет спустя в статье «О лиризме наших поэтов»: «Полномощная власть монарха не только не упадет, но возрастет выше по мере того, как возрастет выше образование всего человечества» [22, т. VIII, с. 678–679]. Приводя слова Пушкина, Гоголь сравнивал Государя с «капельмейстером», без которого, «как ни хороши будь все музыканты», «никуда не пойдет концерт» [23, т. VI, с. 43].

XI

В конце 1833 г. — за полгода до создания курса лекций — Гоголь, обращаясь с молитвенным воззванием к своему Ангелу-Хранителю и — одновременно — к наступающему году, восклицал: «Великая, торжественная минута. Боже! <...> У ног моих шумит мое прошедшее, надо мною сквозь туман светлеет неразгаданное будущее. <...> Я совершу... Я совершу! Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны» («1834» («Великая, торжественная минута»); [23, т. VII, с. 155–156]). Гоголевское «романтическое» воззвание «1834» стало пророческим: «Жаркая просьба эта несомненно достигла цели и была услышана...» [31, с. 382].

Во всех отношениях 1834 г. стал для Гоголя чрезвычайно значимым. Он характеризовался сразу несколькими переменами в судьбе писателя: выходом из продолжительного, почти полторагодового творческого кризиса; сближением с министром С.С. Уваровым, провозгласившим в своей деятельности следование началам Православия, Самодержавия, Народности; публикацией в только что основанном Уваровым «Журнале Министерства Народного Просвещения» четырех статей и поступлением, благодаря министру, на кафедру всеобщей истории Петербургского университета. Следует сказать, что означенный новыми начинаниями 1834 г. был особенным не только для Гоголя. Согласно официальному «Обозрению рас-

положения умов и различных частей государственного управления в 1834 году», таким он явился для многих современников: «...Русские гордятся своим Государем; они видят, что Россия ныне в политическом отношении занимает первое место между европейскими державами, что она составляет оплот всех государей, желающих сохранения порядка...» [28, с. 116]. В судьбе Гоголя 1834-й год, кроме сотрудничества с Уваровым, — признавшего тогда за литературой исключительную честь быть главной выразительницей Народности [10, т. 2, с. 244–245, 284–285; 8, с. 59], — был ознаменован созданием сразу четырнадцати новых произведений (шести повестей и восьми статей). Всего же писатель издал тогда тридцать произведений [16, с. 226]. Наряду с художественными сочинениями, это исторические, географические статьи, искусствоведческие и критические эссе.

К творческим свершениям Гоголя 1834 г. — к ожидавшим тогда публикации сборникам «Миргород», «Арабески», к подготовленным ко второму изданию «Вечерам на хуторе близ Диканьки» — следует добавить, таким образом, еще одну книгу — оформленный для печати курс лекций по истории Средних веков. Оставшийся неизданным, этот курс занимает важное место среди творческих планов Гоголя, свидетельствует о его глубоких монархических убеждениях и об исключительной работоспособности. Книга заставляет серьезно усомниться в достоверности шаржевых суждений юных студентов и последующих критиков о том, будто Гоголь «нисколько не был приготовлен читать университетские лекции истории» (В.В. Григорьев) и «ничего не смыслил в истории» (И.С. Тургенев) [10, т. 2, с. 350]. Позднейшие ангажированные оценки являются очевидным продолжением той идеологической борьбы за интерпретацию гоголевского наследия, которая была развернута западниками после издания в 1847 г. «Выбранных мест из переписки с друзьями» — «самой патриотической книги нашей словесности» [7]. Исторический курс Гоголя 1834 г. служит еще одним подтверждением слов писателя о том, что «внутренне», в главных своих положениях он не изменялся никогда — шел «тою же дорогою», «не шатаюсь и не колеблясь никогда во мнениях главных» (письмо к С.Т. Аксакову от 16 мая (н. ст.) 1844 г.; [23, т. XII, с. 391–392]), т. е. говорит о неизменности религиозно-политических убеждений художника и непротиворечивой последовательности его творческого пути.

Литература

1. *Виноградов И.А.* Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозосерцания. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 448 с.
2. *Виноградов И.А.* «Дело, взятое из души» // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 5. С. 530–571.
3. *Виноградов И.А.* Гоголь — историк и наблюдатель быта // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 8. С. 587–617.
4. *Виноградов И.А.* Комментарий // *Гоголь Н.В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / изд. подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 385–656.
5. *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013. 904, 1031, 1168 с.
6. *Виноградов И.А.* «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А.П. Сумароков и Н.М. Карамзин в литературном процессе России XVIII — первой трети XIX в. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 141–183.
7. *Виноградов И.А.* Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Литературный факт. 2017. № 5. С. 416–426. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-416-426>
8. *Виноградов И.А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3. С. 7–18.
9. *Виноградов И.А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 4. С. 51–67.
10. *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808): в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.
11. *Виноградов И.А.* Значение Рима в наследии Гоголя // Творчество Н.В. Гоголя в контексте европейских культур. Взгляд из Рима. Семнадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосиб. издат. дом, 2018. С. 41–51.
12. *Виноградов И.А.* Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 189–224. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-12-189-224>
13. *Виноградов И.А.* Ю.Ф. Самарин как неизвестный адресат «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. К 200-летию мыслителя-славянофила // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 197–212.
14. *Виноградов И.А.* Послужной список Городничего в «Ревизоре». К характеристике политических взглядов Н.В. Гоголя // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 237–282. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-15-237-282>

15. *Виноградов И.А.* Н.В. Гоголь и законы Российской Империи: К единству наследия писателя // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 2. С. 66–133. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-66-133>

16. *Виноградов И.А.* Н.В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 864 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0659-8>

17. *Виноградов И.А.* А.С. Хомяков и Н.В. Гоголь: проблема взаимоотношений // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 32–69. https://doi.org/10.47132/2588-0276_2021_1_32

18. *Виноградов И.А.* «Арабески» Н.В. Гоголя: единство проблематики и композиции цикла // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 4. С. 234–304. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.10262>

19. *Виноградов И.А.* Учителство и проповедь в первой напечатанной повести Н.В. Гоголя («Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», 1830) // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20, № 1. С. 54–109. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.10402>

20. *Георгиевский Г., Ромодановская А.* Рукописи Н.В. Гоголя. Каталог. (Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина.) М.: Соцэкгиз, 1940. 128 с.

21. <Гоголь Н.В.> Соч. Н.В. Гоголя: <в 7 т.> Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком. 10-е изд. М.; СПб.: Изд-е А.Ф. Маркса, 1896. Т. 6. 832 с.

22. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <в 14 т.>. <Л.>: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

23. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

24. *Заборова Р.Б.* Рукописи Н.В. Гоголя. Описание. (Гос. публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова–Щедрина. Труды Отдела рукописей). Л.: [Б.и.], 1952. 54 с.

25. *Зорин А.Л.* Идеология «Православия-Самодержавия-Народности»: опыт реконструкции. (Неизвестный автограф меморандума С.С. Уварова Николаю I) // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 71–104.

26. *Ковалевский Н.* Гоголь в Малороссии. Уездная быль // Пантеон Русского и всех Европейских театров. 1841. Ч. 1. № 1. Отд. 2. С. 16–29.

27. *Надеждин <Н.И.>* Европеизм и народность в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. Ч. 31. № 1. С. 5–60; № 2. С. 203–264.

28. Обзорение расположения умов и различных частей государственного управления в 1834 году // Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869. Сборник документов. Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, Российский архив, 2006. С. 113–125.

29. <Одоевский В.Ф., князь>. С.Ф. О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе // Современник. 1836. № 2. С. 206–217.

30. <Орлай И.С.> О необходимости обучаться преимущественно отечественному языку и нечто о обучении языкам иностранным // Записки, издаваемые от Департамента Народного Просвещения. 1825. Кн. 1. С. 320–330.

31. *Паламарчук П.Г.* Узор «Арабесок» // *Гоголь Н.В.* Арабески / подгот. текстов, послесл., примеч. П. Паламарчука; <художник> Ю. Селивёрстов. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 378–390.

32. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографическою комиссиею: <в 23 т.>. СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1841. Т. 3 (IV. Новгородские летописи). 308 с.; 1843. Т. 2 (III. Ипатьевская летопись). 379 с.; 1846. Т. 1 (I. П. Лаврентьевская и Троицкая летописи). 269 с.; 1848. Т. 4 (IV. V. Новгородская и Псковская летописи). 363 с.; 1851. Т. 5 (V. VI. Псковские и Софийские летописи). 277 с.

33. <*Пушкин А.С.*> Руслан и Людмила. Поэма Александра Пушкина. 2-е изд., испр. и умнож. СПб.: В тип. Департамента народного просвещения, 1828. XVI + 159 с.

34. *Пушкин.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1937–1959.

35. *Семенов В.Ф.* Гоголь — историк–медиевист // Из истории западноевропейского Средневековья. Сб. ст. / Московский гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. М.: [Б. и.], 1972. С. 3–20.

36. *Сенковский О.И.* Сандинавские саги // Библиотека для Чтения. 1834. Т. 1. Отд. III. С. 1–77.

37. Словарь української мови. Зібрала редакція журналу «Кієвська Старина». Упорядковав, з додатком власного матеріалу Борис Грінченко / Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская Старина». Редактировал, с добавлением собственных материалов, Б.Д. Гринченко. Российской Императорской Академией Наук удостоен второй премии Н.И. Костомарова. У Київі / Киев: Друкарня Акційного товариства Н.Т. Корчак-Новицького, 1909. Т. 3. 506 с.

38. *Уваров С.* Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаменте // Чтение в Беседе Любителей Русского Слова. 1813. Чтение 13. С. 56–68.

39. <*Уваров С.С.*> Ответ Г<-на> Уварова на письмо Г<-на> Капниста об экзаменте // Чтение в Беседе Любителей Русского Слова. 1815. Чтение 17. С. 18–42.

40. <*Уваров С.С.*> О Гёте. В торжественном собрании Императорской С.-Петербургской Академии Наук, читано Президентом Академии, 22 Марта 1833. М.: В Унив. тип., 1833. 29 с.

41. <*Уваров С.С.*> Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I. Публикация М.М. Шевченко // Река Времен. М.: Река Времен — Эллис Лак, 1995. Кн. 1. С. 67–78.

42. *Фридендер Г.М.* Библиография средних веков. <Комментарий> // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <в 14 т.>. <Ленинград>: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 9. С. 630–634.

43. *Фридендер Г.М.* Из университетских лекций по истории средних веков. <Комментарий> // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <в 14 т.>. <Ленинград>: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 9. С. 634–635.

44. *Шевырев С.* Взгляд Русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. Ч. I. № 1. С. 219–296.

45. Шевырев С. Герой нашего времени // Москвитянин. 1841. Ч. I. № 2. С. 515–538.

46. <Штриттер И.М.> Известия Византийских историков, объясняющих Российскую историю древних времён и переселения народов; собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером <в рус. переводе В.П. Светова>. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1770–1771. Ч. 1–2. 136 + 142 с.; 1774–1775. Ч. 3–4. 227 + 309 с.

Research Article

Nikolai Gogol's Unknown Book, 1834: Intention, Context, Reminiscences

© 2022. Igor A. Vinogradov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The research is devoted to one of the many creative ideas of Gogol in 1834. The textual analysis shows the unity of the two historical works of the writer, which were previously published as separate works. These manuscripts testify that Gogol's "Bibliography of the Middle Ages" and the course of medieval history written at the same time (of ten lectures) represent a special edition that was being prepared for publication (which remained unpublished for unknown reasons). For the first time, the reader got acquainted with the "Bibliography of the Middle Ages" and Gogol's ten university lectures in 1896, but until that moment these materials, published separately, have not been comprehended as a single whole prepared for publication. The publication of the book, which did not take place in 1834, is put in connection with Gogol's then cooperation with the Minister of Public Education S.S. Uvarov. During this period, thanks to the minister, Gogol entered the department of general history of St. Petersburg University and published four articles in the ministerial journal. The article analyzes the content of Gogol's lecture course and its relation to his other works. The author of the article proposes a possible title for the untitled book, based on the surviving Gogol lecture program.

Keywords: Gogol, biography, creativity, interpretations, evolution of design, lectures, history of the Middle Ages, Russian history, monarchism.

Information about the author: Igor' A. Vinogradov — DSc in Philology, Chief Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554> E-mail: info@imli.ru

For citation: Vinogradov, I.A. "Nikolai Gogol's Unknown Book, 1834: Intention, Context, Reminiscences." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 8–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-8-54>

References

1. Vinogradov, I.A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniia* [*Gogol as an Artist and Thinker: Christian Foundations of His Worldview*]. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, I.A. “Delo, vziatoe iz dushi.” [“A Matter Taken from the Soul?”.] Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [*Complete Works and Letters: in 17 vols. (15 Books)*], vol. 5. Moscow, Kiev, Moskovskaia Patriarkhiia Publ., 2009, pp. 530–571. (In Russ.)
3. Vinogradov, I.A. “Gogol' — istorik i nabliudatel' byta” [“Gogol as a Historian and Observer of Everyday Life]. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [*Complete Works and Letters: in 17 vols. (15 Books)*], vol. 8. Moscow, Kiev, Moskovskaia Patriarkhiia Publ., 2009, pp. 587–617. (In Russ.)
4. Vinogradov, I.A. “Kommentarii” [“Comments”]. Gogol', N.V. *Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennye izdaniia. Istoriko-literaturnyi i tekstologicheskii kommentarii* [*Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textual Commentary*], publ. by I.A. Vinogradov. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 385–656. (In Russ.)
5. Vinogradov, I.A. *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv: v 3 tomakh* [*Gogol in His Contemporaries' Memoirs, Diaries and Correspondence. Complete Systematic Set of Documentary Evidences, : in 3 vols.*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2011–2013. (In Russ.)
6. Vinogradov, I.A. “Istoriia gosudarstva Rossiiskogo v tvorcheskome nasledii Gogolia” [“History of the Russian State' in the Creative Heritage of Gogol’]. *A.P. Sumarokov i N.M. Karamzin v literaturnom protsesse Rossii XVIII — pervoi treti XIX v.* [*A.P. Sumarokov and N.M. Karamzin in the Literary Process in Russia in the 18th — the first Third of the 19th Centuries*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, pp. 141–183. (In Russ.)
7. Vinogradov, I.A. “Samaia patrioticheskaia kniga nashei slovesnosti (‘Vybrannye mesta iz perepiski s druž'iami Nikolaia Gogolia’)” [“The Most Patriotic Book of Our Literature (‘Selected Passages from Correspondence with Friends of Nikolai Gogol’)”]. *Literaturnyi fakt*, no. 5, 2017, pp. 416–426. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-416-426> (In Russ.)
8. Vinogradov, I.A. “Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu ‘Mertvykh dush’.” [“Blessed are the Peacemakers. From the Tale of Two Ivans to the Concept of ‘Dead Souls’.”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, series 9: Philology, no. 3, 2017, pp. 7–18. (In Russ.)
9. Vinogradov, I.A. “Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu ‘Mertvykh dush’ (prodolzhenie)” [“Blessed are the Peacemakers. From the Tale of Two Ivans to the Concept of ‘Dead Souls’ (Continuing)”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, series 9: Philology, no. 4, 2017, pp. 51–67. (In Russ.)
10. Vinogradov, I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852). S rodoslovnoi letopis'iu (1405–1808): v 7 tomakh* [*Chronicle of N.V. Gogol's Life and Work (1809–1852). With the Genealogic Chronicle (1405–1808): in 7 vols.*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017–2018. (In Russ.)

11. Vinogradov, I.A. “Znachenie Rima v nasledii Gogolia” [“The Meaning of Rome in Gogol’s Legacy”]. *Tvorchestvo N.V. Gogolia v kontekste evropeiskikh kul'tur. Vzgliad iz Rima. Semnadsatye Gogolevskie chteniia* [N.V. Gogol’s Creativity in the Context of European Cultures. View from Rome. Seventeenth Gogol Readings]. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskii izdatel'skii dom Publ., 2018, pp. 41–51. (In Russ.)

12. Vinogradov, I.A. “Fenomen zapadnichestva v slavianofil'stve: vzgliad Gogolia” [“The Phenomenon of Westernism in Slavophilism: Gogol's View”]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (12), 2019, pp. 189–224. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-12-189-224> (In Russ.)

13. Vinogradov, I.A. “Iu.F. Samarin kak neizvestnyi adresat ‘Vybrannykh mest iz perepiski s druz'iami’ N.V. Gogolia. K 200-letiiu myslitel'ia-slavianofila” [“Yu.F. Samarin as an Unknown Addressee of ‘Selected Places from Correspondence with Friends’ by N.V. Gogol. To the 200th Anniversary of the Thinker-Slavophile”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 54, 2019, pp. 197–212. (In Russ.)

14. Vinogradov, I.A. “Posluzhnoi spisok Gorodnichogo v ‘Revizore’. K kharakteristike politicheskikh vzgliadov N.V. Gogolia” [“The Track Record of the Governor in the ‘Government Inspector’. To the Characterization of N.V. Gogol’s Political Views”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (15), 2020, pp. 237–282. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-15-237-282> (In Russ.)

15. Vinogradov, I.A. “N.V. Gogol' i zakony Rossiiskoi Imperii: K edinstvu nasledii pisatel'ia” [“N.V. Gogol and the Laws of the Russian Empire: Toward the Unity of the Writer’s Heritage”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 2, 2020, pp. 66–133. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-66-133> (In Russ.)

16. Vinogradov, I.A. *N.V. Gogol' i tsenzura. Vzaimootnosheniia khudozhnika i vlasti kak kliuchevaia problema gogolevskogo nasledii* [N.V. Gogol and Censorship. The Relationships between the Artist and the Authorities as a Key Problem of Gogol’s Heritage]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 864 p. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0659-8> (In Russ.)

17. Vinogradov, I.A. “A.S. Khomiakov i N.V. Gogol': problema vzaimootnoshenii” [“A.S. Khomyakov and N.V. Gogol: the Problem of Relationships”]. *Russko-Vizantiiskii vestnik*, no. 1 (4), 2021, pp. 32–69. https://doi.org/10.47132/2588-0276_2021_1_32 (In Russ.)

18. Vinogradov, I.A. “‘Arabeski’ N.V. Gogolia: edinstvo problematiki i kompozitsii tsikla” [“The ‘Arabesques’ Cycle by N.V. Gogol: Unity of Composition and Problems”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 19, no. 4, 2021, pp. 234–304. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.10262> (In Russ.)

19. Vinogradov, I.A. “Uchitel'stvo i propoved' v pervoi napechatannoi povesti N.V. Gogolia (‘Bisavriuk, ili Vecher nakanune Ivana Kupala’, 1830)” [“Teaching and Preaching in the First Printed Short Novel (‘Povest’) by Nikolai Gogol (‘Bisavryuk, or The Evening on the Eve of Ivan Kupala’, 1830)”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 20, no. 1, 2022, pp. 54–109. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.10402> (In Russ.)

20. Georgievskii, G., Romodanovskaia A. *Rukopisi N.V. Gogolia. Katalog. (Gosudarstvennaia biblioteka SSSR imeni V.I. Lenina)* [Manuscripts of N.V. Gogol. Catalog. (State Library of the USSR named after V.I. Lenin)]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1940. 128 p. (In Russ.)

21. Gogol', N.V. *Sochineniia. V 7 tomakh* [Compositions. In 7 vols], vol. 6, text prep. by N. Tikhonravov and V. Shenrok. Moscow, St. Petersburg, A.F. Marx Publ., 1896. 832 p. (In Russ.)

22. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 vols.]. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1937–1952. (In Russ.)

23. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [The Complete Works and Letters: in 17 vols. (15 Books)]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010. (In Russ.)

24. Zaborova, R.B. *Rukopisi N.V.Gogolia. Opisanie. (Gosudarstvennaia publichnaia biblioteka imeni M.E. Saltykova-Shchedrina. Trudy Otdela rukopisei)* [Manuscripts by N.V. Gogol. Description. (State Publication Library Named after M.E. Saltykov-Shchedrin. Proceedings of the Department of Manuscripts)]. Leningrad, [S. n.], 1952. 54 p. (In Russ.)

25. Zorin, A.L. “Ideologiia ‘Pravoslaviia-Samoderzhaviiia-Narodnosti’: opyt rekonstruktsii. (Neizvestnyi avtograf memoranduma S.S. Uvarova Nikolaiu I)” [“The Ideology of ‘Orthodoxy-Autocracy-Nationhood’: the Experience of Reconstruction. (Unknown Autograph of the S.S. Uvarov’s Memorandum to Nicholas I)”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 26, 1997, pp. 71–104. (In Russ.)

26. Kovalevskii, N. “Gogol' v Malorossii. Uezdnaia byl'” [“Gogol in Little Russia. County Story”]. *Panteon Russkogo i vsekh Evropeiskikh teatrov*, pt. 1, no. 1, section 2, 1841, pp. 16–29. (In Russ.)

27. Nadezhdin, N.I. “Evropeizm i narodnost' v otnoshenii k russkoi slovesnosti” [“Europeanism and Nationality in Relation to Russian Literature”]. *Teleskop*, 1836, pt. 31, no. 1, pp. 5–60, no. 2, pp. 203–264. (In Russ.)

28. “Obozrenie raspolozheniia umov i razlichnykh chastei gosudarstvennogo upravleniia v 1834 godu” [“Review of the Location of Minds and Various Parts of Government in 1834”]. *Rossiia pod nadzorom. Otchety III otdeleniia. 1827–1869. Sbornik dokumentov* [Russia under Supervision. Reports of the III Branch. 1827–1869 Collection of Documents], comp. M.V. Sidorova, E.I. Shcherbakov. Moscow, Rossiiskii fond kul'tury, Rossiiskii arkhiv Publ., 2006, pp. 113–125. (In Russ.)

29. Odoevskii, V.F., prince. “O vrazhde k prosveshcheniiu, zamechaemoi v noveishei literature” [“On the Hostility towards Enlightenment Seen in the Latest Literature”]. *Sovremennik*, no. 2, 1836, pp. 206–217. (In Russ.)

30. Orlai, I.S. “O neobkhodimosti obuchat'sia preimushchestvenno otechestvennomu iazyku i nechto o obuchenii iazykam inostrannym” [“About the Need to Learn Mainly the Native Language and Something about Teaching Foreign Languages”]. *Zapiski, izdavaemye ot Departamenta Narodnogo Prosveshcheniia*, book 1, 1825, pp. 320–330. (In Russ.)

31. Palamarchuk, P.G. “Uzor ‘Arabesok’” [“Pattern of ‘Arabesques’.”]. Gogol', N.V. *Arabeski* [Arabesques], text prep., afterword, notes by P. Palamarchuk, artist Y. Selivertov. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1990, pp. 378–390. (In Russ.)

32. *Polnoe sobranie russkikh letopisei, izdannoe po Vysochaisheму poveleniiu Arkheograficheskoiu komissiei, v 23 tomakh* [Complete collection of Russian Chronicles, Published by the Highest Order of the Archaeographic Commission: in 23 vols.], vol. 1: I. II. Laurentian and Trinity Chronicles; vol. 2: III. Hypatian Chronicle; vol. 3:

IV. Novgorod Chronicles; vol. 4: IV. V. Novgorod and Pskov Chronicles; vol. 5: V. VI. Pskov and Sophia Chronicles. St. Petersburg, The printing house of Eduard Pratz Publ., 1841–1851. 269 p., 379 p., 308 p., 363 p., 277 p. (In Russ.)

33. Pushkin, A.S. *Ruslan i Liudmila. Poema Aleksandra Pushkina [Ruslan and Ludmila. Poem by Alexander Pushkin]*, 2nd ed., rev. and enlarged. St. Petersburg, Printing House of the Department of Public Education Publ., 1828. XVI + 159 p. (In Russ.)

34. Pushkin, A.S.. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 tomakh [Complete Works: in 16 vols.]*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937–1959. (In Russ.)

35. Semenov, V.F. “Gogol’ — istorik–medievist” [“Gogol as a Medievalist Historian”]. *Iz istorii zapadnoevropeiskogo Srednevekov’ia. Sbornik statei [From the History of the Western European Middle Ages. Collection of Articles]*, Moscow, Moscow State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin Publ., 1972. pp. 3–20. (In Russ.)

36. Senkovskii, O.I. “Sandinavskie sagi” [“Sandinavian Sagas”]. *Biblioteka dlia Chteniia*, vol. 1, section III, 1834, pp. 1–77. (In Russ.)

37. *Slovar’ ukrainskogo iazyka, sobrannyi redaktsiei zhurnala “Kievskaiia Starina” [Dictionary of the Ukrainian Language, Collected by the Editors of the Magazine “Kyiv Starina”]*, vol. 3, ed. by B.D. Grinchenko. Kiev, Drukarnia Aktsiinogo tovaristva N.T. Korchak-Novits’kogo Publ., 1909. 506 p. (In Russian and Ukrainian)

38. Uvarov, S. “Pis’mo k Nikolaiu Ivanovichu Gnedichu o Grecheskom ekzamate” [“Letter to Nikolai Ivanovich Gnedich about the Greek Exameter”]. *Chtenie v Besede Liubitelei Russkogo Slova*, reading 13, 1813, pp. 56–68. (In Russ.)

39. Uvarov, S.S. “Otvét Gospodina Uvarova na pis’mo Gospodina Kapnista ob ekzamate” [“Answer of Mr. Uvarov to Mr. Kapnist’s Letter about the Exameter”]. *Chtenie v Besede Liubitelei Russkogo Slova*, reading 17, 1815, pp. 18–42. (In Russ.)

40. Uvarov, S.S. *O Gete. V torzhestvennom sobranii Imperatorskoi S.-Peterburgskoi Akademii Nauk, chitano Prezidentom Akademii, 22 Marta 1833 [About Goethe. In the Solemn Meeting of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences, read by the President of the Academy, March 22, 1833]*. Moscow, Universitetskaia Tipografia Publ., 1833. 29 p. (In Russ.)

41. Uvarov, S.S. “Doklady ministra narodnogo prosveshcheniia S.S. Uvarova imperatoru Nikolaiu I” [“Reports of the Minister of Public Education S.S. Uvarov to Emperor Nicholas I”], publ. by M.M. Shevchenko]. *Reka Vremen [River of Time]*, book 1. Moscow, Reka Vremen — Ellis Lak Publ., 1995, pp. 67–78. (In Russ.)

42. Fridlender, G.M. “Bibliografiia srednikh vekov. Kommentarii” [“Bibliography of the Middle Ages. A Comment”]. Gogol’, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh [Complete Works: in 14 vols.]*, vol. 9. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952, pp. 630–634. (In Russ.)

43. Fridlender, G.M. “Iz universitetskikh lektsii po istorii srednikh vekov. Kommentarii” [“From University Lectures on the History of the Middle Ages. A Comment”]. Gogol’, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh [Complete Works: in 14 vols.]*, vol. 9. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952, pp. 634–635. (In Russ.)

44. Shevyrev, S. “Vzgliad Russkogo na sovremennoe obrazovanie Evropy” [“Russian View on Modern Education in Europe”]. *Moskvitianin*, part I, no. 1, 1841, pp. 219–296. (In Russ.)

45. Shevyrev, S. “Geroi nashego vremeni” [“Hero of our time”]. *Moskvitianin*, part I, no. 2, 1841, pp. 515–538. (In Russ.)

46. Shtritter, I.M. *Izvestiia Vizantiiskikh istorikov, ob"iasniaiushchikh Rossiiskuiu istoriiu drevnikh vremen i pereseleniia narodov; sobrany i khronologicheskim poriadkom raspolozheny Ivanom Shtritterom* [*News of Byzantine Historians Explaining the Russian History of Ancient Times and the Migration of Peoples; Collected and Arranged in Chronological Order by Ivan Stritter*], parts 1–2; parts 3–4, trans. in Russ. by V.P. Svetov. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1770–1771, 1774–1775, 136 + 142 p., 227 + 309 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.05.2021
Одобрена после рецензирования: 30.07.2021
Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 29.05.2021
Approved after reviewing: 30.07.2021
Date of publication: 25.03.2022